

**ХРОНИКА
ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР**

ВЫПУСК 34

АПРЕЛЬ – ИЮНЬ 1979

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ ЙОРК**

**ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

**ХРОНИКА
ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР**

ВЫПУСК 34

АПРЕЛЬ – ИЮНЬ 1979

ГОД ИЗДАНИЯ – СЕДЬМОЙ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ ЙОРК**

Главный редактор издательства: Валерий Чалидзе
Редакционная коллегия: Эдвард Клайн
Павел Литвинов
Лондонский корреспондент: Питер Реддавей
Секретарь редакции: Елена Штейн

"Хроника защиты прав в СССР" не занимает политически мотивированной позиции и не содержит редакционных оценок по поводу описываемых событий.

Издательство не принимает пожертвований от государственных и политических организаций.

Editor-in-Chief, Khronika Press: VALERY CHALIDZE

Editorial Board: EDWARD KLINE, New York
PAVEL LITVINOV, New York
London correspondent: PETER REDDAWAY
Secretary to the Board: HELENA STEIN

Copyright © 1979 by: KHRONIKA PRESS

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

СОДЕРЖАНИЕ

Досрочно освобождены десять политзаключенных	5
В защиту прав адвокатов	8
Суд над Зисельсом	9
В защиту Игоря Огурцова	10
Заявление жены М. Руденко	12
Десятидневная забастовка политзаключенных уральского лагеря № 35	16
Угрозы журналу "Поиски"	19

* * *

Суд над Мустафой Джемилевым	21
Нарушение социально-экономических прав человека в СССР . 24	
<i>Людмила Алексеева</i> . Сценарий "дела Орлова"	29
<i>Юлия Вишневская</i> . Множительная техника в СССР	35
Интервью с Александром Гинзбургом	41

Некролог

Отец Каролис Гаруцкас	50
---------------------------------	----

Документы

Увольнение за дружбу с уезжающими в Израиль	52
Об отключении телефона	55
Письма военного прокурора	56

Библиография

Поступления Самиздата	58
Указатель имен	64

СООБЩЕНИЯ

Арестованы

На Украине:

В Киеве 23 апреля арестован украинский литератор Георгий (Юрий) Бадзьо.

В г. Долина Ивано-Франковской обл. 5 июля арестованы два члена Украинской группы "Хельсинки" Петр Сичко и его сын Василий Сичко.

В Армении:

В Ереване 14 июля арестован член Армянской группы "Хельсинки" Эдуард Арутюнян.

В Ленинграде:

19 апреля арестован член молодежной организации "левая оппозиция" Алексей Хавин.

Приговорены

В Ленинграде:

6 апреля член "левой оппозиции" студент Аркадий Цурков приговорен по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде" к 5 годам лагеря строгого режима и 2 годам ссылки.

19 апреля член "левой оппозиции" Александр Скобов направлен решением суда на принудительное лечение в психиатрическую больницу общего типа; он обвинялся в "антисоветской агитации и пропаганде".

8 июня Лев Волохонский, член Совета СМОТ, приговорен по обвинению в "распространении заведомо ложных клеветнических измышлений, порочащих советский . . . строй", к 2 годам лагеря общего режима.

В Москве:

В конце июня Марк Морозов по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде" приговорен к 5 годам ссылки.

В Белоруссии:

21 июня в Могилеве приговорен к 3 годам лишения свободы Михаил Кукобака; он обвинялся в "распространении ... измышлений, порочащих советский . . . строй".

На Украине:

В апреле в Ивано-Франковске приговорен по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде" украинский поэт Тарас Мельничук.

Освобождены

В результате помилования освобожден из ссылки член Грузинской группы "Хельсинки" Звиад Гамсахурдиа.

24 апреля освобожден из психбольницы в связи с тяжелой болезнью многолетний узник психбольниц Борис Евдокимов.

ДОСРОЧНО ОСВОБОЖДЕНЫ ДЕСЯТЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

27 апреля 1979 г. в Нью-Йорке состоялся обмен пяти советских политзаключенных – Александра Гинзбурга, Эдуарда Кузнецова, Марка Дымшица, Валентина Мороза, Георгия Винса – на двух советских граждан, осужденных за шпионаж на 50 лет заключения каждый. Их имена – Валдик Энгер и Рудольф Черняев. Обмен произошел в нью-йоркском аэропорту Кеннеди.

Александр Гинзбург, 1936 г.р., в 1960 г. составил поэтический сборник "Синтаксис", в том же году был арестован и осужден за подделку документов – сдавал экзамены за знакомого – на 2 года. В 1967 г. Гинзбург был арестован за составление "Белой книги" – сборника материалов о процессе Синяевского и Даниэля. Его судили вместе с Ю. Галансковым, В. Лашковой и А. Добровольским и приговорили к 5 годам заключения по ст. 70 УК РСФСР ("антисоветская агитация и пропаганда"), которые он отбывал в Мордовских лагерях и Владимирской тюрьме. В 1972 г. Гинзбург освободился по концу срока и поселился в Тарусе, все последующие годы подвергался постоянным притеснениям. С 1974 г. Гинзбург – представитель Фонда помощи политзаключенным и их семьям, основанного А. Солженицыным. Гинзбург – член-учредитель Московской группы "Хельсинки". Он был арестован 3 февраля 1977 г. и в июле 1978 г. по ст. 70 ч. 2 УК РСФСР приговорен к 8 годам заключения в лагере особого режима. Он находился в Мордовском лагере особого режима.

Эдуард Кузнецов, 1939 г.р., был первый раз арестован в 1961 г. и осужден по ст. 70 УК РСФСР на 7 лет заключения, которые отбывал в Мордовских лагерях и во Владимирской тюрьме. После освобождения в 1968 г. жил в г. Струнино Владимирской обл., после женитьбы на Сильве Залмансон переехал в Ригу. В 1970 г. был приговорен к смертной казни за участие в намерении угнать самолет в Швецию с целью эмиграции в Израиль. На том же процессе его жена Сильва Залмансон была приговорена к 10 годам заключения (помилована после 4-х лет заключения, выехала тогда же в Израиль). На этом процессе было осуждено 11 человек. Позже смертная казнь была заменена Кузнецову 15-ю годами особого режима; находился в Мордовском лагере особого режима.

Марк Дымшиц (1927 г.р.), летчик, был приговорен в 1970 г. на том же процессе, что и Кузнецов, к смертной казни, замененной 15-ю годами заключения. Находился в Пермских лагерях.

Валентин Мороз, 1936 г.р., историк, публицист. Первый раз арестован в августе 1965 г. и обвинен в "антисоветской агитации и пропаганде", в январе 1966 г. приговорен к 4 годам заключения, которые он отбывал в Мордовских лагерях. В лагере написал "Репортаж из заповедника им. Берии" и передал на волю, за что был осужден лагерным судом на одиночное заключение. После освобождения в 1969 г. жил во Львове и Ивано-Франковске, писал статьи о русификации Украины и о начинающемся культурном возрождении на Украине. 1 июня 1970 г. Мороз был вновь арестован и вновь обвинен в "антисоветской агитации и пропаганде". В ноябре 1970 г. суд в Ивано-Франковске приговорил его к шести годам тюрьмы, трем годам лагеря особого режима и пяти годам ссылки. Тюремный срок Мороз отбывал во Владимире, потом находился в Мордовском лагере особого режима.

Георгий Винс, 1928 г.р., секретарь Совета Церквей Евангельских христиан-баптистов. В 1966-69 гг. отбыл три года лагерей по ст. 142 ч. 2 УК РСФСР ("нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви"). Арестован 31 марта 1974 г. и обвинен по ст. 142, 190-1 ("распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский ... строй") и 227 ("посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов") УК РСФСР. В январе 1975 г. Киевским областным судом Винс был приговорен к 5 годам заключения и к 5 годам ссылки.

20 апреля на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР, подписанного Брежневым, были досрочно освобождены пятеро участников "самолетного" дела — Гилель Бутман, Вульф Залмансон, Арье-Лейб Хнох, Борис Пэнсон и Анатолий Альтман. Срок заключения у всех у них был 10 лет, так что они были освобождены на 14 месяцев раньше. Все пятеро выехали в Израиль. В настоящее время в заключении все еще находятся трое осужденных на этом процессе — Юрий Федоров (Мордовский лагерь особого режима, срок — 15 лет лагеря особого режима), Алексей Мурженко (Мордовский лагерь особого режима, срок — 14 лет лагеря особого режима), Иосиф Менделевич (Чистополь, срок — 12 лет лагеря строгого режима).

Заявление для прессы

Мы счастливы за наших освобожденных друзей и их семьи. Но мы поражены вопиющей несправедливостью, что в числе освобожденных по ленинградскому самолетному делу нет Иосифа Менделевича, Юрия Федорова и Алексея Мурженко. Мы поражены и глубоко огорчены, что не освобождены Юрий Орлов, Толя Шаранский и другие члены Хельсинкских групп, в том числе Пяткус, Лукьяненко, Руденко, Тихий, Маринович, Матусевич. В заключении все еще находятся один из лучших представителей нашего правозащитного движения ученый-биолог Сергей Ковалев, врач-психиатр Семен Глузман, Игорь Огурцов, Владимир Шелков и многие другие. Мы убеждены, что только всеобщая политическая амнистия в СССР может стать реальной основой для доверия и взаимопонимания между СССР, США и другими странами Запада.

Елена Боннэр, Андрей Сахаров

В ночь с 27 на 28 апреля 1979 года

Как проявление доброй воли со стороны Советского Союза необходимо освобождение всех перечисленных в заявлении от 27 апреля, выдача разрешений на эмиграцию отказникам, находящимся в наиболее тяжелом положении и не имеющим реальной секретности, таким как Мейман, Гольфанд, Браиловский, Финкельштейн; освобождение из ссылки Иды Нудель, Владимира Слепака, Иосифа Бегуна и выдача им виз на выезд из страны; пятидесятников, заточенных в посольстве США в Москве.

18 мая 1979 г.

А. Сахаров

В ЗАЩИТУ ПРАВ АДВОКАТОВ

Обращение

к американским юристам и правозащитным организациям

Я хочу обратить Ваше внимание на два факта нарушения прав адвокатов и права политзаключенных на пользование услугами адвоката.

В марте 1979 г. адвокат Е.А. Резникова приехала в Пермский лагерь 36 для свидания с известным политзаключенным д-ром Сергеем Ковалевым; свидание не состоялось, так как администрация лагеря предложила Резниковой подвергнуться личному обыску перед свиданием, Резникова отказалась, т.к. закон не предусматривает того, чтобы подвергать адвокатов этой процедуре.

Такой же случай произошел в июне с адвокатом Евгением Шальманом, когда он приехал в Пермский лагерь 37 к политзаключенному доктору Юрию Орлову, — он также отказался подвергнуться личному обыску.

Я поясню, какова эта процедура. Приезжающих на свидание родственников политзаключенных, в том числе детей, подвергают обыску, который часто включает в себя раздевание догола, прощупывание одежды, осмотр отверстий тела. Есть много свидетельств политзаключенных и их родственников о таких обысках, гинекологических осмотрах, исследовании анального отверстия и т.п. Теперь такой процедуре хотят подвергнуть и адвокатов.

Я думаю, что такое надругательство над профессиональной честью и человеческим достоинством адвоката заслуживает серьезной общественной реакции.

11 июля 1979 г.

В. Чалидзе

СУД НАД ЗИСЕЛЬСОМ

8 декабря 78 г. был арестован, а 5 апреля 79 г. осужден на 3-летнее заключение и каторжный труд, разлуку с семьей, 8-летним сыном и друзьями мой муж, Иосиф Зисельс.

И. Зисельс все свои силы тратил на то, чтобы помочь людям, страдающим из-за нарушений законов нашего государства и международных документов по правам человека.

Моего мужа обвиняли по статье 187-1 УК УССР (190-1 УК РСФСР) за распространение и изготовление "клеветнических документов на советский государственный и общественный строй." Практически суд был закрытым.

Следствие не затруднило себя представлением доказательств виновности И. Зисельса.

Показания свидетелей, допрос подсудимого, защитительная речь адвоката убедительно показали всю абсурдность обвинения, а клеветнический характер материалов, изъятых на обысках в нашем доме, суд вообще не рассматривал. Тем не менее — приговор вынесен.

В своем последнем слове Иосиф Зисельс говорил, что сегодня, как и прежде, перед судом стали книги. Но история показала, что "рукописи не горят". Он сказал: "Мне 32 года. Я выбрал свой путь в жизни. Это противостояние лжи и насилию. Я недавно ступил на этот путь, сделал по нему всего несколько шагов. Но я счастлив, что мой выбор сделан и что он именно такой".

Я благодарна всем лицам и организациям, поднявшим свой голос в защиту моего мужа. Не будь этой поддержки, участь Иосифа Зисельса и многих других была бы намного тяжелее.

Сегодня судили не только моего мужа. Судили всех, кому дорого добро и справедливость.

Я призываю честных людей всего мира активно включиться в борьбу против лжи и насилия, с тем чтобы стали невозможны политические и психиатрические репрессии.

5 апреля 1979 г.

Ирена Зисельс

Суд проходил в Черновцах, приговор — 3 года лагерей усиленного режима. — Ред.

В ЗАЩИТУ ИГОРЯ ОГУРЦОВА

*Сенатору Генри М. Джексону
Сенатору Дэниэлу Патрику
Мойнихену*

*по случаю церемонии Коалиции
Демократического большинства
12 июня 1979*

Ваша деятельность, в полном сознании ответственности и отвергающая пути благоприличных отговорок, вызывает уважение. Я высоко ценю также вашу бескомпромиссную позицию в деле прав человека. Страдания людей нельзя забывать и в чаду торговли, и нельзя успокоиться, пока в советских лагерях продолжают калечить и убивать.

В эти месяцы необратимо идет к гибели выдающийся сын русского народа — Игорь Огурцов, искавший христианских путей развития России. Уже более 12 лет он находится в непрерывном жестоком заключении при безжалостном режиме — и еще 8 лет ему предстоит, которых не пережить. У него опала печень, опустился желудок, один глаз перестал видеть, в 42 года вылезают волосы, выпадают зубы.

Я прошу и очень жду ваших усилий в деле спасения его от смерти.

Ваш
Кавендиш, Вермонт

Александр Солженицын

*Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу
Леониду Ильичу Брежневу
Президенту США господину
Джимми Картеру*

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!
Глубокоуважаемый господин Картер!

Я отец Игоря Огурцова, в 1967 году приговоренного к 20-ти годам лишения свободы (7 лет тюрьмы, 8 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки).

Мой сын уже отбыл 12 лет заключения, из них 7 лет во Владимирской тюрьме, которые в корне подорвали его здоровье. Игорь серьезно болен. Недавно он писал, что 1978 год унес у него столько здоровья, сколько все предыдущие 11 лет. Сейчас его здоровье ухудшается буквально каждую неделю.

Мой сын Игорь Огурцов, признав себя виновным по некоторым пунктам обвинения, полностью отверг основной – "измену Родине". Неоднократные юридически обоснованные обращения адвокатов к Генеральному Прокурору СССР с просьбой о пересмотре обвинения были отклонены. Также были отклонены мои обращения в Верховный Совет СССР с просьбой помиловать сына, учитывая чрезмерную суровость приговора, длительность уже отбытого в заключении срока и тяжелое состояние его здоровья. А сейчас даже в просьбе поместить сына для установления диагноза заболевания и лечения в наиболее квалифицированную больницу МВД в городе Ленинграде было отказано.

Товарищ Председатель Президиума Верховного Совета СССР!
Господин Президент!

Я знаю Вашу гуманность, Ваше отношение к защите прав человека, знаю Вашу силу.

Я инженер-механик кораблестроитель. 50 лет своей жизни отдал морскому флоту, ветеран Великой Отечественной войны, которую закончил в должности начальника штаба дивизии. Я обращаюсь к Вам как к участникам второй мировой войны с просьбой о спасении жизни моему единственному сыну.

С глубоким почтением и надеждой –

Огурцов Вячеслав Васильевич

9 мая 1979 года

Адрес моего сына: Пермская область, Чусовской район, ст. Всесвятская, уч. 389/35.

Мой адрес: 198035 Ленинград, Двинская 11, кв. 28

тел. 259-0630.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЖЕНЫ М. РУДЕНКО

Украинской Общественной Группе содействия выполнению Хельсинкских соглашений

Копия: Генеральному Прокурору СССР

Открытое письмо

Что это глас вопиющего в пустыне – аксиома, но молчать больше я не могу.

5 февраля 1977 года арестован мой муж – инвалид войны второй группы, украинский писатель Микола Руденко, впоследствии осужденный к семи годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки за свободное изложение своих мыслей в письмах, адресованных Центральному Комитету КПСС, а также в художественных произведениях, изъятых при обыске в нашей квартире. Поэт и философ, боровшийся за права человека, осужден за мысли и убеждения. Приказом Управления по делам печати при СМ УССР за № 5 от 3.VIII.1978 г. уничтожены все его книги. Но этим не ограничились. Теперь органы КГБ изощренно убивают самого писателя. В течение года ему не дают моих писем, убеждают, что я его бросила, завела нескольких любовников и не желаю отвечать на его письма, которых я, кстати, тоже не получала. Одновременно его каждый день уговаривали раскаяться, обещая за это немедленную свободу. В Киевской тюрьме КГБ ему говорили: "Как вы понимаете, мы следим за вашей женой и не можем делать вид, будто ничего не замечаем. Напишите ей, пусть остепенится, иначе мы будем судить ее за дурное поведение". И муж писал мне, веря, что эти письма действительно отсылают. Об этом я узнала год спустя после его ареста во время личного свидания с мужем. После прибытия его в Мордовский лагерь № 19 снова конфисковывают его и мои письма, у него отнимают стихи, запрещают посылать их в письмах мне и таким образом вынуждают Миколу Руденко несколько раз объявлять голодовки протеста.

Наконец, в январе 1979 года в Мордовских лагерях работники КГБ распространили фотографии и документы, compro-

метирующие меня, показали их мужу и вызвали семейный скандал.

Между тем, в моей квартире просверлили потолок, натыкали микрофонов. Один из них пробил штукатурку и высунулся в спальне над моей головой. Более двух лет без объяснения причин у меня отключен телефон. Меня – ветерана труда – незаконно уволили с работы. Работники КГБ преследуют меня всегда и везде. Когда я снова устроилась на работу в милицию (на должность сторожа), меня вдруг *срочно* вызвали к начальнику – майору милиции Стрельцу Юрию Пантелеймоновичу. Начальника на месте не оказалось, а в его кабинете меня ожидал работник КГБ УССР капитан Котовенко Иван Иванович. Более двух часов продержал он меня в чужом кабинете, не говоря ни о чем конкретно, но и не отпуская. Возвратившись домой, я обнаружила, что в квартире в это время побывал кто-то посторонний.

Когда я послала телеграмму на имя руководителя Всесоюзного КГБ Юрия Андропова о том, что, протестуя против жестокого обращения с ним в лагере, мой муж Микола Руденко голодает уже 15 дней, капитан Котовенко вызвал меня в КГБ и сказал: "Я отвечаю на телеграмму, посланную Вами в КГБ СССР: если вы еще пошлете что-нибудь подобное, мы будем судить вас за клевету на администрацию лагеря".

Однажды капитан Котовенко сам пришел ко мне на работу и пытался склонить меня к сотрудничеству с КГБ для действия против моего мужа. Когда же я отказалась и заявила, что не намерена держать в секрете наш разговор, сотрудники КГБ, очевидно из боязни, что я назову их имена, стали действовать на меня чужими руками: через частных лиц, начальников по работе, домоуправление и работников милиции, 12 февраля ворвавшихся ко мне в квартиру без стука и составивших клеветнический протокол, будто у меня проживает разыскиваемый милицией преступник.

Куда бы я ни пошла, всегда будто бы случайно оказывался на моем пути подозрительный "влюбленный", преследовавший меня как на работе, так и на пляже. Наконец, органы КГБ сделали свое дело и предъявили моему мужу какие-то фотографии, приведшие к большой семейной ссоре. Но я глубоко убеждена, что Комитету госбезопасности нужен не просто наш раз-

вод. КГБ хочет уничтожить Миколу Руденко любимым способом, а семейная ссора подстроена им для того, чтобы оправдать себя. КГБ не может простить, что этот непокорный свободолюбивый писатель и в суровых условиях лагеря мужественно продолжает борьбу за права человека. Органы КГБ тщательно следят, чтобы ни одна строчка из творчества Миколы Руденко не уцелела. С этой целью они провели 6 обысков в нашей квартире, причем три последних были уже после ареста моего мужа, т.е.: 12 декабря 1977 года, в ночь с 9 на 10 февраля 1978 г. и в ночь с 6 на 7 марта 1979 г.

Постановление на обыск прошлой ночью – 6.III.79 г. – санкционировано Прокурором УССР Глухом Петром Кирилловичем и согласовано со старшим следователем по особо важным делам следственного отдела КГБ УССР майором Слобоженюком Николаем Михайловичем, начальником следственного отдела КГБ УССР полковником Туркиным и заместителем председателя КГБ УССР генерал-майором Мухой.

Обыск проводили, как объяснил капитан Сельюк Анатолий Васильевич, по делу украинского писателя Олеса Бердника, но изъяли сборник стихов Миколы Руденко за 1977-1978 годы "За гратами", международные письма, адресованные мне, принадлежащую мне записную книжку и мою пишущую машинку, хотя все это не имеет никакого отношения к делу Олеса Бердника.

Обыск в ночь с 9 на 10 февраля 1978 года фактически провели незаконно и в мое отсутствие. Когда же я к его окончанию пришла домой, то старший следователь КГБ УССР майор Сырык предъявил мне так называемое "Постановление на обыск" не только без санкции прокурора, но и без каких-либо печатей и штампов – отпечатанное на чистом листке и подписанное майором Сырыком, который пытался убедить меня, что это постановление является законным.

Комитет госбезопасности игнорирует все законы. В отношении меня и моего мужа грубо попирается право на неприкосновенность жилья, неприкосновенность личности и семьи и даже право на мысли и убеждения.

Я обращаюсь к писателям и ученым мира, к главам правительств стран – участниц Совещания в Хельсинки и Белграде: во

имя человеколюбия, во имя всего святого, выступите в защиту моего мужа, спасите жизнь поэту и мыслителю Миколе Руденко !!!

С отчаянием и надеждой —

Раиса Руденко

7 марта 1979 г.

г. Киев, 84, Конча-Заспа, 1, кв. 8

ДЕСЯТИДНЕВНАЯ ЗАБАСТОВКА ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ УРАЛЬСКОГО ЛАГЕРЯ № 35

Политзаключенные требуют:

- допустить контакты — встречи с западными корреспондентами;
- допустить в лагерь — для ознакомления с условиями их содержания — представителей Комитета прав человека ООН.

Забастовка — невыход на работу — продолжается с 16 по 26 апреля.

Более чем за месяц до объявления этой забастовки десять политзаключенных исправительно-трудовой колонии ВС-389/35 — Анатолий Альтман, Паруйр Айрикян, Игорь Огурцов, Василь Лисовой, Микола Матусевич, Плумпа, Юрий Бутченко, Квецко, Равиных, Талгалис — направили в Министерство иностранных дел СССР заявление примерно такого содержания:

Поскольку апелляции в советские и советско-партийные инстанции — с целью добиться справедливости и уважения моих (автора апелляции) человеческих прав — остаются безрезультатными, не улучшают положения моего и моих товарищей, хочу сообщить о нарушении моих человеческих прав, о жестоком и бесчеловечном обращении со мной и моими товарищами корреспондентам независимой прессы и, с помощью этой прессы, обратиться к мировой общественности. Хочу также заявить об этом в Комитет защиты прав человека ООН.

В заявлениях выражаются требования: допустить в лагерь представителей прессы демократических стран, дать политзаключенным, в частности — автору заявления, возможность встретиться с этими корреспондентами; аналогичное требование в отношении представителей Комитета прав человека ООН.

В заявлениях отмечается, что даже такие режимы, как в Чили, допускают встречи политзаключенных с корреспондентами (о чем, в частности, сообщает советская пресса).

Авторы заявлений напоминают, что советские граждане, например, члены групп содействия выполнению Хельсинкских

соглашений, информировавшие мировую общественность об условиях в советских исправительно-трудовых учреждениях, об обращении с политзаключенными, — подвергаются репрессиям, многие уже осуждены на долгие годы лишения свободы и теперь сами находятся в таких ужасных условиях.

Эти заявления, согласно положению об отправке корреспонденции осужденными, содержащимися в исправительно-трудовых учреждениях, были переданы администрации лагеря для отправки адресату (МИД СССР). Администрация конфисковала все эти заявления, как содержащие сведения, "искажающие действительность", сведения, "не подлежащие оглашению", и т.п.

Некоторые из авторов этих заявлений (заявления индивидуальные; коллективные заявления в ИТУ запрещены) были подвергнуты — под теми или иными предлогами — различным наказаниям. П. Айрикян, начиная с конца марта, водворен в ШИЗО (карцер), находился там и к началу забастовки ...

Поскольку их требования не удовлетворены, поскольку они вообще не получили ответов на свои заявления, поскольку заявления были конфискованы, авторы заявлений — те из них, которые еще оставались в зоне, — в поддержку своих требований объявили и начали с 16 апреля *десятидневную забастовку*.

* * *

Мы, передающие эту информацию, напоминаем, что участие в забастовке — невыходе на работу — карается жестокими наказаниями, нередко серией наказаний. В числе этих наказаний: лишение права приобретения продуктов в лагерном ларьке (т.е. лишение мизерного "права" купить кое-какие продукты на сумму до 5 рублей в месяц, из денег, начисленных за работу ...), лишение права на свидание (т.е. лишение даже тех редких свиданий — три свидания в год, на которые имеет "право" заключенный); водворение в ШИЗО (штрафной изолятор — карцер) — то есть длительная, нередко неделями, а иногда и месяцами пытка голодом, холодом, невозможностью спать и т.д.; водворение на многие месяцы в ПКТ (камерное содержание во внутрилаторной тюрьме на строгом тюремном режи-

ме ...); перевод из лагеря в стационарную тюрьму строгого режима на год, два года, три года ...

Только широкая гласность и открытое выражение озабоченности, сочувствия и поддержки бастующим может несколько ограничить жестокие наказания, грозящие участникам забастовки. Наказания, которые уже несомненно начали к ним применять.

Мы, передающие эту информацию, поддерживаем требования политзаключенных: дать политзаключенным возможность встречаться с корреспондентами — представителями независимой демократической прессы; допустить в исправительно-трудовые учреждения, в частности — в политлагеря Урала и Мордовии и в тюрьму в г. Чистополе, представителей международных правозащитных организаций.

26 апреля 1979 г.

М. Ланда, Е. Боннэр, С. Каллистратова

УГРОЗЫ ЖУРНАЛУ "ПОИСКИ"

Заявление

Мы, редакторы и сотрудники свободного московского журнала "Поиски", обращаемся к своим читателям и согражданам, к мировой общественности и работникам международной прессы.

Мы сообщаем, что в последнее время усиливается нажим властей на свободную прессу в СССР. В частности, возобновился и поход против нашего журнала: после январских обысков и изъятий на квартирах его издателей и многократных допросов, которым они подверглись, в марте-апреле началась полоса новых преследований.

Исключена из партии — заочно — 73-летняя Раиса Лерт, один из семи редакторов журнала "Поиски", член КПСС с 1926 года.

Администрацией института, где преподает другой член редколлегии, доцент философии Петр Егидес, принято решение о его увольнении. Одобренное местным комитетом профсоюза, это решение содержит абсурдную ссылку на ст. 254 Кодекса законов о труде (КЗОТ): "за аморальные поступки". При этом "аморальным поступком" названо открытое высказывание своих независимых взглядов в свободной печати, что позволяет применять к инакомыслящим **з а п р е т н а п р о ф е с с и ю**, давно вошедший у нас в обиход.

Но наибольшая угроза нависла над членом редколлегии Валерием Абрамкиным. 12 апреля В. Абрамкин был в п я т ы й раз допрошен в Московской прокуратуре. Допрос на этот раз вылился в откровенный шантаж. Следователь Бурцев объявил Абрамкину, что "дело о "Поисках" уже выделено в особое производство и его, Абрамкина, ждет уголовное преследование и заключение в лагерь. Другим работникам редакции следователь пригрозил административной высылкой из столицы.

Нам некогда сейчас обсуждать "право" следствия ставить редакторам ультиматум: прекратите свою журналистскую деятельность или пеняйте на себя. Но мы не хотим оставить без немед-

ленной реакции стремление соответствующих органов расколоть редколлегию и, выдернув из ее состава одного человека – Валерия Абрамкина, превратить его в заложника.

Мы, работники редакции "Поисков", отклоняем предъявленный нам ультиматум, как противозаконный шантаж. Мы вновь подтверждаем: все редакторы "Поисков" несут равную и нераздельную ответственность за издание журнала. И эту равную ответственность мы готовы сохранить при любых обстоятельствах.

Попытки помешать выходу московского журнала "Поиски" (как и аналогичных бесцензурных изданий) на основе одиозного закона о "клеветнических измышлениях" направлены против всего общества, заинтересованного в нестесненном и открытом выражении своих мыслей, вопросов и чаяний. Мы призываем наших читателей и сограждан поддерживать усилия тех, кто открыто осуществляет право народа на свободную от цензуры печать.

Мы особо обращаемся к Международной организации журналистов, к профессиональным союзам работников средств массовой информации и другим демократическим организациям с призывом выступить в защиту редакторов и сотрудников свободного московского журнала "Поиски".

Но прежде всего мы призываем каждого из вас вступить за журналиста Валерия Абрамкина. В попытках властей приостановить развитие вольной печати и независимого общественного мнения в СССР ему грозит участь заложника.

Необходимо предотвратить грозящую ему расправу. Практика заложничества – всем миром осужденный прием террористов – никому не должна приносить добычи!

Москва, апрель 1979 года

Редакторы, сотрудники и издатели журнала "Поиски"

СУД НАД МУСТАФОЙ ДЖЕМИЛЕВЫМ

6 марта 1979 года нарсуд Октябрьского района гор. Ташкента приговорил Мустафу Джемилева к 4 годам ссылки за "злостное нарушение правил административного надзора" (ст. 199-3 УК Уз. ССР).

Эта статья Уголовного кодекса применяется в случае, когда поднадзорный дважды в течение года был подвергнут административному наказанию за нарушения правил надзора и после этого совершил третье нарушение.

"Нарушения" М. Джемилева состояли в следующем.

Из предыдущего заключения Джемилев освобожден 22 декабря 1977 года. Вопреки закону, по которому освобождающийся сам может выбирать место жительства, Джемилеву приказали жить у его брата Асана в Ташкенте.

29 декабря 1977 Мустафе было объявлено об установлении административного надзора на полгода.

Уже через три дня было спровоцировано первое "нарушение": Джемилев с разрешения майора милиции Курбанова, объявлявшего ему о надзоре, пропустил свою первую регистрацию, которая выпадала на праздничный день 1 января 1978 г.

Второе нарушение произошло через год, 30 декабря 1978 г. Джемилев хотел навестить своих родителей, которые с лета 1977 г. живут в Крыму. Попытки Джемилева получить официальное разрешение на эту поездку были безрезультатны. 29 декабря истекал второй полугодичный срок надзора. Т.к. ранее Джемилеву говорили в милиции, что он может поехать к родителям по окончании надзора, он купил билет на 30 декабря. Однако 29 декабря ему было объявлено о третьем продлении надзора. 30 декабря М. Джемилев, решивший не отказываться от своего намерения повидать, наконец, своего 80-летнего отца, которого он не видел несколько лет, был задержан на аэродроме и получил второе "нарушение" правил надзора.

За каждое из этих нарушений на Джемилева налагался штраф. Для возбуждения дела не доставало третьего нарушения. Оно было сфабриковано 19 января 1979 г. В этот день поздно вечером на квартиру Асана, где обязан был находиться Мустафа, пришел сотрудник милиции. Как это бывало и раньше в подобных случаях, открывшая ему дверь жена Асана отказалась вызвать Мустафу, хотя он и был дома. Через несколько дней в милиции был составлен протокол о том, что Джемилева не было дома – недостающее третье "нарушение".

Таким образом, из трех инкриминированных Джемилеву нарушений действительным нарушением можно считать лишь одно – попытку съездить к родителям. Однако следует отметить, что статья 199-3 карает лишь за такие нарушения, которые совершаются "с целью уклонения

от надзора". Попытка Джемилева навестить родителей "бегством" не являлась (о своем решении он поставил в известность надзиравшие за ним органы милиции; в своем заявлении он указал, что надзор за ним может осуществляться и в Крыму). Так что и этот случай, согласно букве закона, не мог быть ему инкриминирован.

* * *

Нет сомнений, что действительной причиной преследований М. Джемилева является его активное участие в национальном движении крымскотатарского народа и общесоюзном правозащитном движении, о чем он и сам говорит в своем заявлении об отказе от гражданства (полный текст этого заявления прилагается к этому сообщению). Джемилеву постоянно угрожали арестом в течение всего времени его пребывания "на воле". Поводом для одной из таких угроз послужило то, что 29 января 1979 г. он пришел к зданию суда, где должен был начаться процесс В.А. Шелкова и других адвентистов.

8 февраля 1979 г. М. Джемилева вызвали в милицию, якобы в связи с его заявлением об отказе от гражданства. Здесь его арестовали по обвинению в "злостном нарушении правил административного надзора". С первого же дня М. Джемилев, протестуя против заведомо ложного обвинения, объявил голодовку.

Суд был назначен первоначально на 1 марта 1979 г. В этот день у здания суда собрались родственники и друзья Мустафы, многие его соотечественники, приехавший из Москвы А.Д. Сахаров. Однако в этот день суд не состоялся – судья Петров заявил, что по не известной ему причине подсудимый не доставлен из тюрьмы, на следующий день он сказал, что "в тюрьме не хватило конвоя". Сообщить о новой дате слушания дела судья отказался, сказав лишь, что оно произойдет после 10 марта.

Суд состоялся 6 марта 1979 г. Об этом не были уведомлены ни московский адвокат, согласный взять на себя защиту Джемилева, ни даже родственники подсудимого.

Джемилев заявил о своем отказе от участия в процессе, пока не будут вызваны в качестве свидетелей его родственники, которые могут подтвердить, что вечером 19 января он был дома. (Сами родственники еще в феврале неоднократно обращались с аналогичными ходатайствами к следователю, но их не допросили.) Лишь после этого судья позвонил на работу брату Мустафы Анафи Джемилеву, чтобы тот разыскал Асана Джемилева для явки в суд. "Оказалось", что Асан – в командировке (опыт других процессов над правозащитниками показывает, что подобные командировки возникают отнюдь не случайно). Судья, составшись на загруженность суда другими делами, наотрез отказался отложить суд до возвращения Асана и до приезда защитника Джемилева – московского адвоката Е.С. Шальмана.

Судебное заседание началось в 4 часа дня. В зал смогли пройти 8-10 родственников и друзей Мустафы. Судья объявил, что ввиду отказа подсудимого от участия в процессе (Мустафа в это время по-прежнему на

ходился в здании суда, в камере для заключенных) дело будет слушаться в его отсутствие, и начал читать обвинительное заключение. Адвоката также не было (от назначенного судом защитника Мустафа отказался, но было известно, что он хочет, чтобы родственники пригласили адвоката по своему выбору). В знак протеста против такого надругательства над правосудием друзья и родственники ушли из здания суда.

В 8 часов вечера судья подошел к камере, где находился Мустафа, и зачитал ему через решетку приговор – 4 года ссылки.

Когда Мустафу выводили из здания суда, ему удалось на минуточку остановиться и перебраться несколькими словами с подбегавшими родственниками. Он успел сказать, что ждет адвоката и будет продолжать голодовку. Конвойные силой оттолкнули его, на глазах у родственников его ударили и волоком втащили в тюремный "воронок".

Полагающееся после суда свидание родственники смогли получить только 11 марта. На свидании были старшая сестра Мустафы Васфие Хаирова и его брат Асан с женой. Мустафа – это было на 31 день его голодовки – выглядел очень ослабевшим, жаловался на боли в сердце. Первые две недели голодовки его держали в общей камере, потом перевели в одиночку – в подвал. Через день его принудительно кормили через резиновый шланг. Мустафа сказал, что еще не получил копию приговора (по закону она должна быть вручена не позднее 3-х дней) и намерен подать кассационную жалобу, как только получит приговор. Свидание было прервано через полчаса, т.к. Мустафа и его родственники иногда по привычке произносили татарские слова, а им приказано было говорить только по-русски.

* * *

10 марта сестра Мустафы Деляра Сеитвелиева, живущая с мужем и двумя детьми в Крыму в селе Муромском, объявила голодовку протеста против незаконного осуждения своего брата. Об этом она уведомила телеграммой Генерального Прокурора СССР.

НАРУШЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СССР. ПРАВО НА ТРУД.

Документ № 85.

Советская государственная пропаганда настойчиво уверяет, что так называемые социально-экономические права человека имеют главенствующее значение перед правами гражданскими и политическими.

При этом утверждается, что в СССР, в отличие от стран "свободного мира", социально-экономические права полностью обеспечены. Этот пропагандный шквал, достигая Запада, создает впечатление об СССР как об обществе всеобщего благоденствия, в котором построен так называемый "развитой социализм" и осуществляется принцип высшей социальной справедливости: "от каждого по его способностям, каждому – по его труду".

Главным доказательством всеобщего благополучия в обществе выставляется отсутствие в стране безработицы. Однако все эти заверения есть не что иное, как пропагандистский камуфляж. На самом деле право на труд, на благоприятные условия труда и на справедливое за него вознаграждение – далеко от повсеместного обеспечения. Все 4 пункта ст. 23 Всеобщей декларации прав человека – не выполняются.

Зарботная плата рабочих и служащих крайне низка. Официально называемая средняя зарботная плата по стране, 161 рубль в месяц, – есть величина статистическая, но даже она, при нынешнем уровне инфляции и росте цен, едва ли обеспечивает то, что следует называть "достойным человека существованием". Что же говорить о минимуме зарботной платы, составляющем 70, а в отдельных районах 60 рублей в месяц? О низком уровне зарплатывает тот факт, что в советской семье, как правило, вынуждены работать все ее взрослые члены, включая часто пенсионеров по старости. О том же свидетельствует и такое широко распространенное явление как "шашки" и хищение с предприятий. Уходит рабочий с молочного завода – выносит масло, сливки; со спиртового – фляжку спирта; с лесобработывающего – доску. Ситуация, в которой рабочие вынуждены "добирать" таким образом то, чего не додает им государство, порождает серьезную моральную проблему, вызывая у рабочих чувство душевного разлада, способствуя распространению в обществе лжи и лицемерия.

Следует сказать, что видимый достаток, которым обладает какой-то процент рабочих семей, довольно часто создается именно за счет нетрудовых доходов. Уровень "чистой" зарботной платы подавляющего большинства рабочих и служащих в СССР таков, что позволяет лишь

еле-еле сводить концы с концами. Это является, пожалуй, главной причиной снижения в стране роста народонаселения.

В СССР существует произвол в заработной плате. Непомерно велик разрыв между минимальной зарплатой, которую получает значительная часть населения, и максимальной заработной платой у отдельных групп (высшие партийные и государственные работники, генералитет, академики и др.). Эта зарплата может быть в 10-20 и более раз выше минимума.

Неоправдана разница в заработной плате у рабочих различных отраслей и министерств. Практикуется разная оплата за равный труд в центре и на периферии. Например, расценки на ткацких фабриках в Московской области значительно выше, чем в соседних с нею Владимирской и Ивановской областях, хотя нормы выработки — ниже. Особой привилегией пользуется Москва, где зарплата отдельных категорий рабочих и служащих намного выше, чем в провинции.

Неравенство в заработной плате увеличивается за счет неудовлетворительного снабжения периферии продуктами питания. Если москвич покупает основные продукты в государственной торговле, то житель провинции вынужден приобретать их на местном рынке втридорога и далеко не в таком ассортименте. Все это ведет к развитию у населения чувства естественной зависти и антагонизма по отношению к жителям "коммунистического города" Москвы.

Наиболее низко оплачиваются рабочие непромышленной сферы, служащие государственных учреждений, работники службы быта, торговли, медицины, просвещения, культуры. Не обеспечиваются "достойного существования" пенсии, выплачиваемые по старости, инвалидности, в случае потери кормильца.

В стране существует, хотя это слово никогда не произносится вслух, подлинная бедность значительной части населения. Точное число семей, которые следовало бы назвать бедными, не поддается учету, поскольку порог бедности в СССР официально не определен. Прожиточным минимумом полуофициально считается 50 рублей на человека в месяц (если исходить из того, что только в таких семьях, где доход на каждого члена ниже 50 рублей в месяц, назначается дополнительное пособие в размере 12 рублей на каждого ребенка до 8 лет), хотя фактически эта сумма не порог бедности, а порог нищеты. Далеко ниже этого порога живут отдельные многодетные семьи, пенсионеры, матери-одиночки.

В СССР распространена и, мало того, пользуется популярностью у рабочих, поскольку им кажется, что только здесь, в отличие от почасовой оплаты, они могут заработать, — система сдельной оплаты труда, которая в развитых странах давно уже дискредитирована как "потогонная" и с которой активно борются западные профсоюзы.

На советских предприятиях, может быть, за немногим исключением в виде предприятий особо важного значения, оборонных и т.н. "образцово-показательных", — плохая организация труда, низкий уровень са-

нитарно-гигиенических условий и техники безопасности, высокий производственный травматизм. При этом случаи производственных травм скрываются администрацией, акты о них составляются неохотно, администрация идет даже на то, что выставляет пострадавшему "рабочие часы", лишь бы не числить его травмированным по вине производства.

На многих участках (строительные, дорожные работы и др.) применяется тяжелый физический труд, на который по причине низкой оплаты и "не престижности" работы идут в основном женщины.

Женщины с носилками для бетона на строительных лесах, женщины в оранжевой униформе с лопатами и с ломом в руках на полотне железной дороги – одна из безобразнейших картин советской действительности.

На советских предприятиях грубо нарушается трудовое законодательство. Широко практикуется, особенно в дни авралов по "вытягиванию" плана, скрытая, не регистрируемая сверхурочная работа, чем нарушается закон о длительности рабочей недели. Эти переработки часто не оплачиваются, поскольку рабочие вроде бы и так заинтересованы: "Дадим план – будут премиальные".

Привычной формой бесплатного труда стали обязательные "субботники", общесоюзные и местные, а также направление людей, включая пенсионеров и школьников, на работу в колхозы, совхозы, на овощехранилища и т.п.

Совершенно не нормирован рабочий день у сельскохозяйственных рабочих в колхозах. У них нет оплаченных отпусков. Ввиду того, что колхозникам крайне трудно выйти из колхоза и куда-то переехать, эти люди превращены фактически в государственных крепостных.

Всякий конфликт рабочего с администрацией, выступление с критикой, попытка защищать свои права – чреватые серьезными последствиями. В руках администрации немало средств воздействия на рабочего – лишение премии, лишение тринадцатой зарплаты, снятие с очереди на квартиру, отказ в путевке в санаторий и, наконец, увольнение. Администрация имеет широкую возможность увольнять неугодных рабочих, так как в законодательстве отсутствует четкая конкретизация причин увольнения.

В СССР резко ограничен свободный выбор рабочим места работы. Средством закрепощения и дискриминации рабочих служит отсутствующая на Западе система обязательных трудовых книжек, которая является как бы продолжением всеобщей паспортной системы. Поскольку в трудовую книжку заносятся причины увольнения, почему-либо порочащие рабочего (например, запись об увольнении в связи с судимостью), такая книжка становится для ее владельца волчьим билетом. В то же время поступить на работу без трудовой книжки – нельзя.

Ограничивает свободный выбор работы и постыдная система прописки, т.е. отсутствие у населения возможности выбирать место жительства по своему усмотрению.

Несмотря на видимую нехватку рабочей силы, на объявления "требуется", т.е. на формальные признаки отсутствия безработицы, в СССР существует скрытая безработица – когда из-за резкого недостатка жилья, ограничений в месте жительства, отсутствия накопленных человек вынужден наниматься на работу, не отвечающую ни его желанию, ни образованию, ни квалификации. К этому же понуждает аморальная статья Уголовного кодекса о тунеядстве, т.е. обязанность под угрозой тюрьмы оставить поиски нужной работы и устраиваться на любую.

Можно считать, что наряду со скрытой в СССР есть и явная безработица. Если в западных странах безработным считается тот, кто не работает 2 недели, то в СССР всегда имеется огромное и неучитываемое количество людей, не работающих по многу месяцев (да хотя бы те 4 месяца, что "дозволены" законом о тунеядстве). В то же время в СССР отсутствуют какие-либо пособия по вынужденной безработице. Увольняемый с предприятия, скажем, по сокращению штатов, рабочий получает единовременное пособие в размере двухнедельного заработка, и это – все.

Если бы к СССР применить выработанные многолетней практикой рабочего движения представления о безработице, которые существуют на Западе, то миф о стране, не знающей безработицы, был бы развеян.

Наибольшим нарушением прав рабочих и служащих является отсутствие у них реальной возможности защищать свои интересы. В советском законодательстве нет права на забастовку, любая попытка коллективного выступления жестоко подавляется. Имеющиеся в СССР отраслевые профсоюзы есть по сути образование партийно-государственное, они не являются организацией рабочих для борьбы за повышение уровня жизни и улучшение условий труда.

Еще к Ленину восходит определение профсоюзов как "приводных ремней" от партии к массам. В настоящее время они превращены в инструмент прямого подчинения трудящегося населения. Профсоюзы в СССР занимаются вопросами производства, выполнения плана, укрепления трудовой дисциплины, воспитательной и идеологической работой (недаром они называются "школой коммунизма") и лишь в самом ничтожном объеме защищают интересы рабочего.

Одним из свидетельств сказанному стало немедленное подавление властями попытки создания группой рабочих в 1977-78 гг. нескольких независимых ассоциаций по защите своих прав.

Организаторы первого такого объединения (ноябрь 1977 г.), так называемого Свободного профсоюза трудящихся, В.А. Клебанов, В.Т. Поплавский и другие были репрессированы, многие подвергнуты заключению в психиатрические больницы.

Развернуты репрессии и против Свободного межпрофессионального объединения трудящихся (СМОТ; ноябрь 1978 г.), в частности, недавно арестован один из его основателей Л. Волохонский.

Между тем, право создания независимых ассоциаций трудящихся

для защиты своих интересов, гарантированное как советским, так и международным правом*, неоспоримо, и попытки создания таких ассоциаций будут, несомненно, продолжаться.

Говоря о нарушении социально-экономических прав человека в СССР, мы подчеркиваем, что обеспечение этих прав не может быть осуществлено без предварительного обеспечения политических и гражданских прав, в первую очередь – права на свободу слова, печати, объединений, профсоюзов.

Мы приветствуем недавнее решение МОТ сделать официальный запрос правительству СССР в связи с репрессиями против членов независимых профсоюзов и ее намерение добиваться обстоятельного ответа по этому поводу. Заявление представителя СССР на недавней сессии МОТ в Париже, что В.А. Клебанов и другие основатели независимых профсоюзов – "безответственные и психически неуравновешенные люди", является не только намеренной дискредитацией, но и попыткой замолчать наличие серьезных нарушений социально-экономических прав в СССР.

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор
Некипелов, Татьяна Осипова*

21 апреля 1979 г.

*

1. Конституция СССР, ст. 51.
2. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, ст. 95.
3. Всеобщая декларация прав человека, ст. 20.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 22.
5. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, ст. 8.
6. Конвенция МОТ №87 от 9.VII.1948 г. (относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию).

СЦЕНАРИЙ "ДЕЛА ОРЛОВА" *

В деятельности Московской Хельсинкской группы сказалась соби- рательная роль, свойственная правозащитному движению. Выявилося, что защита прав человека является общей позицией тех, кто противо- стоит официальной идеологии. Соблюдения гуманитарных статей Хель- синкских соглашений стали требовать наиболее дискриминированные народы СССР – крымские татары, месхи, немцы, евреи; в четырех наци- ональных республиках возникли собственные Хельсинкские группы. На Хельсинкские соглашения стали ссылаться верующие – православ- ные, католики, баптисты, пятидесятники, адвентисты, выступая коллек- тивно и поддерживая друг друга (Христианский комитет защиты прав верующих). В Хельсинкские группы и непосредственно к Белград- ской конференции по разным поводам обращалось большое число советских граждан – они добивались уважения властями гражданских прав. Активизировалась правозащитная борьба политзаключенных. Объединенное движение всех этих сил стало называться хельсинкским. Разумеется, Московская группа никак не "организовывала" его, оно возникло как бы само собой, но в его возникновение большой вклад вноси- ли Юрий Орлов и созданная им Группа. В этом суть "дела Орлова".

Почти сразу же хельсинкское движение вышло за пределы Совет- ского Союза: в сентябре 76 года в Польше возник Комитет самозащи- ты, а 1 января появилась "Хартия-77" в Чехословакии. В названиях этих ассоциаций нет слова "хельсинкские", но они, как и Хельсинкские группы, стоят на правозащитной позиции и опираются на международ- ные пакты и соглашения о правах человека, принятые их правительст- вами. В Венгрии, Румынии, ГДР прозвучали те же требования.

В западной прессе появились "сенсационные" сообщения: Хельсинк- ские соглашения, разрекламированные как дипломатическая победа СССР и "лично товарища Брежнева", стали знаменем борьбы за пра- ва человека в тоталитарных странах – партнерах Запада по Хельсин- кам.

На Западе тоже стали организовываться Хельсинкские группы. Эти группы видят важную свою задачу в помощи правозащитному движе- нию в странах, где соблюдение прав человека существенно ниже между- народного стандарта, провозглашенного в Заключительном Акте, – в СССР и в остальных странах Варшавского договора. Хельсинкское дви- жение стало международным. Его силы на Западе не исчерпываются участниками Хельсинкских групп. Небывалый интерес общественности Запада к проблеме прав человека в этих странах привлек к ней внима-

* Послесловие к книге о деле Орлова (готовится к печати в изда- тельстве "Хроника").

ние политических деятелей – сначала парламентариев, особенно в тех странах, где отношение к этой проблеме стало существенно влиять на исход выборов, а затем, впервые в политической жизни современного мира, о положении с правами человека в СССР стали публично высказываться руководители демократических государств.

На предвыборной кампании 76 года в США кандидат в президенты Картер заявил, что поддержка прав человека станет моральной основой его внутренней и внешней политики, – и был избран в президенты. Он стал опираться в своих отношениях с Советским Союзом на правозащитное движение, публично поддерживая его. Руководители западноевропейских стран, прежде не решавшиеся критиковать Советский Союз публично, тоже вынуждены были определить свою позицию в вопросе прав человека. Соблюдая осторожность, они все-таки поддержали Соединенные Штаты.

В обстановке всеобщего внимания к этой проблеме для советских властей невозможным оказалось спрятаться, по обыкновению, за газетный звон о "советской демократии" как "высшей форме демократии". Вопрос о нарушениях в Советском Союзе гуманитарных обязательств, данных в Хельсинки, должен был в той или иной форме встать на Белградской конференции.

Ни Брежнев, ни его западные партнеры, подписывая Заключительный Акт, не предполагали, что окажутся перед этой проблемой. Советские власти не нашли иного выхода из неприятной для них ситуации кроме традиционного – гонений и арестов наиболее активных участников хельсинкского движения. Огласка при этих арестах была неизбежна, но, видимо, консолидация правозащитного движения и выход его на международную арену страшили власти больше, чем урон престижа. К тому же имелся расчет, что заблаговременная изоляция прекратит поток разоблачительной информации на Запад и удастся избежать нежелательных обсуждений в Белграде.

Анализ обстоятельств ареста Орлова и остальных хельсинкцев и суды над ними с очевидностью показывают, что аресты эти – вид политического заложничества, поскольку и сами аресты, и обвинения, и мера наказания определялись не конкретными действиями арестованных и не требованиями советских законов, а надобностями властей в их политической игре внутри страны и на международной арене. Судьбы арестованных стали разменной монетой в этой игре.

Похоже, задумав "убрать" наиболее вредных, по оценке ГБ, участников хельсинкского движения, власти не сразу решились на открытую расправу с ними и обдумывали различные варианты организации будущих судебных процессов. Начали с попытки обвинить диссидентов в терроризме, используя для этого взрыв в московском метро 8 января 77 года. В случае удачи это могло вылиться в тотальное подавление диссидентского движения. Осуществлению этого плана, скорее всего, помешало широкое сочувствие правозащитникам внутри страны и на Западе. Одновременно на случай провала этого варианта шла подготов-

ка серии якобы не связанных между собой судов по уголовным обвинениям.

Членам Украинской группы была уготована роль "инспирированных вооруженного восстания по указке иностранного капитала". На такой замысел указывают винтовка, фигурирующая в деле Тихого, и иностранная валюта, подброшенная Руденко. Гинзбурга тоже намеревались обвинить в незаконных валютных операциях, ему тоже подбросили валюту во время обыска, да к тому же "организовали" статью в "Литературной газете" бывшего политзаключенного Петрова-Агатова с соответствующими лжесвидетельствами. Щаранского обвинили в шпионаже.

Юрию Орлову, по всей вероятности, тоже готовили роль "шпиона". На это указывает сообщение ТАСС 4 января 77 года по поводу обысков в Московской группе – что материалы обыска изобличают ее связь с иностранными разведками.

В тот же день, когда было сделано это заявление ТАСС, в Башкирии арестовали Александра Ляпина, дважды приезжавшего к Орлову с информацией о нарушениях прав граждан. У него вымогали показания, что Орлов давал ему "шпионские" поручения. Это было за месяц до ареста Орлова. На первой стадии допросов после его ареста о работе Хельсинкской группы не спрашивали, а только о том, на какие деньги жил Орлов, видели ли у него сертификаты, бывали ли у него иностранцы. Во время обыска 15 марта изъяли все имевшиеся в доме импортные вещи – радиоприемник, магнитофон, даже мотки мохеровой шерсти. Видимо, они должны были служить уликами связи Орлова с иностранцами.

На свидании после суда Юрий Орлов сказал жене, что в течение полутора лет следствия характер обвинений несколько раз менялся и каждый раз следователи подгоняли показания свидетелей и материалы следствия под новое обвинение. Орлову грозили статьей "измена родине" и расстрелом. Следователи утверждали, что Орлов организовал Группу и направлял ее деятельность по инструкциям Конгресса США!

Но, видимо, "сшить" уголовные дела так, чтобы они имели хоть тень правдоподобия, не удавалось, а по "шуму" на Западе было очевидно, что внимание к этим судам будет пристальным.

15 июня 77 года в Белграде началась предварительная встреча для выработки порядка дня Белградской конференции. Советская делегация пыталась добиться, чтобы на Белградской конференции обсуждались только будущие отношения партнеров, без рассмотрения выполнения соглашений за прошедший срок. Представители западных стран настаивали на процедуре, предусмотренной на Хельсинкском совещании: сначала следует проверить, как исполнялись обязательства всеми странами, а затем обсудить, как будут строиться отношения между ними в дальнейшем. После пяти недель напряженных переговоров Запад настоял на своем – в Белграде будет проверяться выполнение Хельсинкских соглашений, в том числе гуманитарных статей.

В этой ситуации осуждение Орлова и других хельсинкцев по уголовным обвинениям, к тому же неубедительным, теряло смысл, так как при этом не была бы дезавуирована информация о нарушениях прав человека, переданная на Белградскую конференцию Хельсинкскими группами.

Видимо, поэтому 27 июня, еще до окончания предварительной встречи, было, наконец, официально объявлено обвинение против руководителя Московской Хельсинкской группы. Забыв утверждение ТАСС о шпионских связях Орлова, его обвинили по ст. 190-1 – в “клеветнических измышлениях, порочащих советский государственный и общественный строй”. Это обвинение создавало формальную возможность непризнания материалов, представленных Московской Хельсинкской группой в Белград.

Обвинение в “клевете” предвещало сравнительно “мягкое” наказание – до 3 лет лагеря общего режима, иногда на практике заменяемого ссылкой.

30 июня начался суд над Миколой Руденко и Олексой Тихим. Этот единственный судебный процесс, состоявшийся до Белградской конференции, был пробным камнем. Отбросив заранее заготовленные уголовные улики, откровенно судили – общественных деятелей за общественную деятельность. Основу обвинения составляли документы Украинской Хельсинкской группы. Оба подсудимых получили максимальные сроки за “антисоветскую агитацию и пропаганду”: Руденко – 7 лет лагеря строгого режима и 5 лет ссылки, Тихий, вторично судимый по этой статье, – 10 лет лагеря особого режима и 5 лет ссылки. К сожалению, Запад сосредоточился в основном на делах москвичей, и реакция на жестокие приговоры украинцам была вялой. Аресты в Украинской, Грузинской и Литовской группах весной-летом 77 года тоже прошли почти незамеченными.

4 октября 77 года открылась Белградская конференция. Она стала первой международной встречей правительственных делегаций, где публично обсуждались нарушения прав советских граждан. Беспрецедентной была и постановка этого вопроса: делегации демократических стран использовали материалы о нарушениях прав граждан в Советском Союзе, представленные независимыми общественными ассоциациями – Хельсинкскими группами.

Во время этих дебатов у москвичей истек максимально допустимый советским законом срок содержания под стражей до суда – 9 месяцев. У Орлова он наступил 10 ноября 77 года. Следствие к этому времени было закончено (последний обыск имел место 15 марта, допросы прошли с апреля по ноябрь). Но судить Орлова, Шаранского и Гинзбурга во время заседаний в Белграде сочли “нецелесообразным”, и следствие всем троим было продлено.

На Белградской конференции советская делегация яростно протестовала против обсуждения нарушений прав человека в СССР, утверждая, что вопрос этот – внутреннее дело каждой страны. Не всегда по-

зиция демократических стран была достаточно твердой, но все-таки советский тезис о неправомерности обсуждения проблемы соблюдения прав человека был отвергнут, и началось обсуждение этой проблемы.

Тогда советские власти переменяли тактику. Уже не заботясь об утраченной репутации, решено было продемонстрировать советским гражданам и Западу (и общественности, и правительствам) тщетность поддержки диссидентов и даже опасность ее для них. На фоне продолжающихся выступлений западных делегаций в Белграде по поводу нарушений прав человека в СССР и против арестов в Хельсинкских группах произошла серия новых арестов: с декабря 77 года по февраль 78 года были арестованы Левко Лукьяненко и Петр Винс в Украинской группе, Шаген Арутюнян и Роберт Назарян в Армянской, Виктор Рцхиладзе и Григорий Гольдштейн – в Грузинской. В декабре же было принято решение о переквалификации обвинения Юрию Орлову со статьи 190-1 на ст. 70, максимальный срок по которой гораздо больше – 7 лет лагеря и 5 лет ссылки. Объявлено об этом было в феврале, за месяц до окончания Белградской конференции.

Демонстративно жестокий приговор был предreshен и ему, и остальным участникам хельсинкского движения.

Развитие событий показало, что жестокие приговоры, удовлетворив, возможно, мстительность носителей власти, не дали им желанного политического результата.

Аресты обескровили национальные Хельсинкские группы, но Московская продолжает активно информировать о нарушениях прав разных групп населения, а арестованные хельсинкцы вместе с присоединившимися к ним другими политзаключенными передают информацию о положении в лагерях. Развивается движение верующих. Кроме Христианского комитета защиты прав верующих появились Католический комитет защиты прав верующих и адвентистская правозащитная группа.

Президент Картер и его администрация, обескураженные пренебрежением советских властей к их публичным выступлениям в защиту диссидентов, прекратили такие выступления, но общественная поддержка правозащитного движения в СССР с Запада не прервалась, и правительства по-прежнему должны с этим считаться. Договоренность о досрочном освобождении пяти советских политзаключенных и обмен еще пяти на двух советских шпионов убеждают в этом. Появление этих 10 человек на Западе убеждает также в невозможности для Советского Союза игнорирования борьбы за освобождение советских политзаключенных.

Среди освобожденных оказался Александр Гинзбург, который был арестован первым из участников Хельсинкских групп. Борьба за их освобождение создает пафос хельсинкского движения.

Суды над Орловым, Шаранским и Гинзбургом оказались для Запада намного более впечатляющими свидетельствами бесправия советских граждан и самодурства властей, чем документы Хельсинкских групп, за которые их судили. Эти суды весьма укрепили убежденность запад-

ной общественности в неблагополучии с правами человека в СССР. Пожалуй, с момента вторжения советских войск в Чехословакию не было ни одного политического события, в оценке которого сошлись бы, как это имеет место относительно судов над членами Хельсинкских групп, правительства демократических стран и их общественность, независимо от политической ориентации. В парламенте Великобритании и в Конгрессе США представители всех партий резко осудили расправы за фиксацию нарушений Хельсинкских соглашений. Во Франции в демонстрациях протеста против этих расправ участвовали представители всех партий – от консервативных до самых левых. Газеты всех направлений, даже коммунистические "Унита", "Морнинг Стар" и "Юманите," осудили приговоры за правозащитную деятельность. Хельсинкские группы выдвинуты на Нобелевскую премию мира Конгрессом США, парламентами Бельгии, Великобритании, Норвегии и Португалии.

И еще одно отрадное явление: "шум" на Западе не замолк вскоре после судов, как бывало прежде, – хельсинкское движение разрастается. В январе 79 года создана общеевропейская Хельсинкская группа, в феврале – Американская. В разных странах продолжают действовать комитеты защиты Орлова и Щаранского, не прекратили активности их западные адвокаты. В международном сообществе ученых, прежде традиционно уклонявшемся от "политики", расходятся в мнениях о методах борьбы за освобождение советских коллег, но не в оценке факта их ареста и необходимости борьбы за них.

Никогда советские власти не испытывали столь всестороннего и неослабевающего давления по поводу кого-либо из политзаключенных. Беспрецедентность ситуации вселяет надежду, что Орлов и его товарищи по Хельсинкским группам будут освобождены и что борьба за советских политзаключенных не прекратится до полной политической амнистии.

МНОЖИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА В СССР*

29 марта 1976 года, вскоре после смерти испанского диктатора Франко, лауреат Нобелевской премии по литературе Александр Солженицын дал интервью Мадридскому телевидению, в котором русский писатель-изгнанник сравнивал положение в области прав человека в тогда еще не демократической Испании и Советском Союзе. В частности, автор "Архипелага ГУЛАг" сказал:

Я смотрю, у вас работают ксерокопии. Человек может подойти, заплатить 5 песет и получить копию любого документа. У нас это недоступно ни одному гражданину Советского Союза. Человек, который воспользуется ксерокопией не для служебных целей, не для начальства, а для самого себя, получает тюремный срок как за контрреволюционную деятельность (1).

Не будучи профессиональным юристом, А.И. Солженицын сформулировал эту проблему недостаточно точно. Разумеется, отнюдь не всякого советского гражданина, пожелавшего использовать современную фотокопировальную технику в своих личных целях, ожидает уголовное преследование как за "государственное преступление". Однако, насколько мы можем судить как по материалам советской печати, так и по сообщениям Самиздата, свободное использование множителей, в том числе фототехники, гражданам СССР действительно недоступно.

Так, 5 апреля 1979 года орган ВЦСПС газета "Труд" опубликовала статью своего корреспондента в Таганроге Ю. Дмитриева "Ротапринт и совесть" (2). В этой статье описаны два судебных казуса, когда ответственность за использование фотокопировальной техники наступила не по главе 1 "Государственные преступления", а по главе 2 "Преступления против социалистической собственности" Уголовного кодекса Украинской ССР.

В первом случае речь идет о 38-летнем печатнике Таганрогского радиотехнического института Илье Киме, который размножал на служебном ротапринте и перепродавал на местной книжной толкучке книгу "Мария Магдалина". Об этой книге в статье Ю. Дмитриева сказано только, что она "пользуется спросом людей с неприятным вкусом". Следовательно, сам факт ее размножения не может быть признан неза-

* Впервые опубликовано в газете "Русская мысль", 14 июня 1979 г.

конным, поскольку законом никак не оговорена монополия советского государства на воспитание вкуса своих граждан. Как сообщает "Труд", Илья Ким обвиняется в занятии запрещенным промыслом (ст. 148 ч. 1 УК УССР – наказывается исправительными работами до 1-го года или штрафом до 100 рублей) и "мелких хищениях" (ст. 85 УК УССР – до шести месяцев лишения свободы).

Другой случай, описанный в статье "Ротапринт и совесть", произошел в Таганрогском специализированном конструкторском бюро по машинам для уборки зерновых культур и самоходных шасси. Слесарь-наладчик этой организации Геннадий Свистелин обвиняется в размножении за плату на множительном аппарате "Эра-М" "всякого рода околослитературной макулатуры, а порой и политически вредных книжонки и брошюр". Точнее:

Большинство книг принадлежит зарубежным авторам, которые издавались еще в дореволюционной России ... В некоторых прославляется культ жестокости, оправдывается колониализм, другие насыщены мистикой, эротизмом.

Напомним, что революция в России произошла в 1917 году. Как известно, до 1915 года в России существовала предварительная, а в 1905-1917 гг. – последующая (карательная) цензура. Однако – и приведенная выше цитата является еще одним примером, подтверждающим это, – цензоры дореволюционной России были во всех отношениях либеральнее цензоров советских. При этом следует учесть, что во всем мире в течение последних шести десятилетий шел процесс обратный – в сторону повсеместной либерализации представлений о степени допустимого в печати.

Ю. Дмитриев не сообщает о том, какое обвинение было предъявлено Геннадию Свистелину и его подельнику Н. Игнатовичу. Известно только, что судебное следствие по их делу проводилось:

В ходе следствия и позже ... были выявлены тайно отпечатанные издания о черной магии, спиритизме ... и откровенная порнография.

Наказание за "изготовление, сбыт и распространение" порнографии (до 1 года лишения свободы) предусматривается ст. 211 УК УССР. Таким образом, все другие виды изданий, которые, по словам корреспондента "Труда", распространяли обвиняемые, относятся не к разряду незаконной, а скорее к разряду нежелательной властям литературы.

Корреспондент "Труда" сообщает также, каким образом власти обычно пресекают распространение подобной нежелательной литературы. Иными словами, с какими трудностями столкнулись бы покупатели размножаемой Свистелиным литературы, пожелай они удовлетворить свое читательское любопытство с помощью официальных каналов:

Выяснилось, что Свистелин мог пользоваться как своими ротпринтом, бумагорезательной машиной, специальным порошком для "Эры-М" ... При том формально существующем порядке, когда *каждый полученный заказ должен записываться в служебный журнал с пронумерованными страницами*, с указанием вида размножаемого документа, его заказчика, количества листов и экземпляров. (Выделено мною – Ю.В.)

По приведенной выше цитате можно судить как о несовершенстве, с точки зрения фотокопировальной техники сегодняшнего дня, советских множительных аппаратов, так и о строгости контроля за работой с ними. И то, и другое для западного человека просто поразительно.

При этом известно, что согласно постановлению Совета Министров СССР от 22 июля 1977 г. № 673 приобрести множительный аппарат советское предприятие, учреждение или организация может только с разрешения Госкомитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, а использовать его – только под контролем органов внутренних дел. Согласно этому постановлению, у предприятий, нарушивших одно из этих условий, множительная техника изымается (3).

Что же касается частных граждан, то для них книгоиздательство чревато уже упоминаемой выше статьей об уголовной ответственности за "занятие запрещенным промыслом" (ст. 148 УК УССР или, соответственно, ст. 162 УК РСФСР). Перечень запрещенных промыслов (11 подпунктов) содержится в п. 3 Положения о кустарно-ремесленных промыслах, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 3 мая 1976. В соответствии с ним на всей территории СССР гражданам запрещено заниматься *для продажи*:

изготовлением множительных и копировальных аппаратов, всевозможных штампов, штемпелей, печатей, шрифтов, размножением всякого рода печатной и фотопродукции, тиражированием грампластинок, кинофильмов и магнитофонных записей (4).

В соответствии с "Научно-практическим комментарием", ответственность по ст. 148 УК УССР не может наступить в случае, если какое-либо лицо займется изготовлением перечисленной выше продукции для личных нужд (5). Правда, отсутствие состава преступления по закону о "запрещенных промыслах" не исключает, с одной стороны, судебного преследования по другим статьям Уголовного кодекса.

Так, 25 ноября 1977 г. в Кингисеппе Ленинградской области были осуждены четверо евангельских христиан-баптистов, сотрудников издательства "Христианин", функционирующего без разрешения Госкомитета по делам издательств. При обыске в доме, где они были арестованы, было изъято 3 тонны бумаги, печатная машина и другое типографское оборудование. Печатники Лариса и Людмила Зайцевы и И.И. Левен, а также хозяин дома Д.И. Кооп были приговорены к лишению свободы на сроки от 3,5 до 4,5 лет (6).

С другой стороны, отсутствие состава какого бы то ни было преступления не исключает возможности преследования внесудебного порядка. Например, после того как у члена Инициативной группы защиты прав человека в СССР Владимира Борисова на обыске был изъят экспериментальный образец разработанного им печатного устройства, Владимир Борисов был принудительно госпитализирован в 3 Ленинградскую психиатрическую больницу. Поскольку изобретатель ко дню обыска еще не успел апробировать свое "простое, дешевое печатное оборудование" для "самостоятельного тиражирования неподцензурной литературы", то он просидел в сумасшедшем доме всего полгода, с 13 сентября 1976 по 4 марта 1977 года.

Известны случаи, когда подсудимым инкриминировали размножение типографским способом литературы, признанной судом "антисоветской". Так, 10-16 июля в Ленинграде слушалось дело Георгия Давыдова и Вячеслава Петрова, обвиняемых по ст. 70 УК РСФСР ("антисоветская агитация и пропаганда"). Подсудимых, в частности, обвиняли в изготовлении на mimeографе 40 экземпляров "Тактики Демократического Движения Советского Союза". Приговор: Давыдову – 5 лет лагерей строгого режима плюс 2 года ссылки, Петрову – 3 года лагерей строгого режима плюс 2 года ссылки. Другой прецедент – дело Александра Болонкина и Валерия Балакирева (Москва, 19-23 ноября 1973). Статья 70 УК РСФСР, обвинение – "изготовление", в том числе на самодельном ротаторе, "антисоветской литературы". Приговор: Болонкину – 4 года лагерей и 2 года ссылки, Балакиреву – 5 лет лишения свободы условно.

Поскольку практика ведения дел по ст. 70 УК РСФСР достаточно серьезно изучена, нет никаких оснований полагать, что приговоры по делу этих четырех человек были бы иными, если бы они "изготавливали" инкриминировавшуюся им литературу классическим самиздатским способом – на пишущей машинке.

Зато известен случай, заставляющий предполагать, что копирование даже "криминальной" литературы и даже на казенном аппарате, но не для распространения, а для себя лично не влечет за собой уголовной ответственности. Речь идет о деле Валерия Маресина. Из обвинительного заключения:

9 октября 1974 г. он вместе с Добрачевым Ю.П. приехал в лабораторию Института экспериментальной ветеринарии, чтобы заснять для Добрачева книгу А. Швейцера "Культура и этика". Воспользовавшись затем отсутствием в лаборатории других лиц, Маресин начал фотоспособом копировать книгу А. Солженицына "Архипелаг ГУЛар", части 3 и 4 ... В момент копирования книги "Архипелаг ГУЛар" Маресин был застигнут лаборанткой Чикиной В.Н. и заведующим лаборатории Горбатовым В.А., изъясшим у него данную книгу (7).

17 октября 1974 г. Сергей Ковалев направил заявление Председателю КГБ Юрию Андропову, в котором объявил, что книга, изъятая у В. Маресина, принадлежит ему, и потребовал возврата своего имущества. Однако на суде над Сергеем Ковалевым Маресин отказался назвать лицо, от которого он получил "Архипелаг ГУЛаг". 14 апреля 1976 г. Верховный суд Литовской ССР приговорил В. Маресина к 6 месяцам исправительных работ с отбыванием по месту службы при удержании 20% зарплаты за "отказ от дачи показаний" (ст. 189 УК Лит. ССР) (8).

Из истории движения советских инакомыслящих, начиная с 1966 г., известно, что отказ от ответа на вопрос по делу об "антисоветской агитации и пропаганде" всегда влечет такое наказание. Даже если свидетель не снимал для себя ксерокопии интересующих суд материалов.

Таким образом, можно установить, что само по себе копирование каких бы то ни было печатных материалов "для себя, а не для начальства" и, добавим, не для друзей и тем более не на продажу уголовной ответственности не влечет. Ни по закону, ни, насколько известно, на практике. Однако существует Указ Президиума Верховного Совета СССР "Об административной ответственности за нарушение правил ... использования, учета и хранения множительной техники", согласно которому:

2. Лица, ответственные за соблюдение правил использования, учета и хранения полиграфического оборудования, множительных аппаратов, шрифтов и матриц, виновные в нарушении этих правил, могут быть подвергнуты в административном порядке штрафу в размере до 50 рублей (9).

В заключение хотелось бы только напомнить, что, согласно ст. 50 Конституции СССР, свобода печати "обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям ... возможности использования печати". В то время как ст. 125 советской Конституции 1936 г. содержала положения, согласно которым права граждан СССР обеспечивались "предоставлением трудящимся и их организациям ... типографий, запасов бумаги ... и других материальных условий, необходимых для осуществления". Таким образом, с чисто формальной точки зрения, можно констатировать, что новая Конституция СССР не содержит противоречия с существующей практикой.

1) "Континент" № 8, 1976, стр. 433.

2) Ю. Дмитриев, "Ротапринт и совесть", "Труд", 5 апреля 1979 г.

3) Постановление об усилении контроля над типографиями.

4) СП СССР 1976, № 7, ст. 39. Комментарий к советскому законодательству о запрещенных промыслах см. В. Чалидзе "Уголовная Россия", Нью-Йорк, "Хроника", 1977, стр. 246-262.

5) "Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий", Киев, 1978, стр. 409.

- 6) См. "Хронику" № 46, стр. 43 и 48, стр. 121.
- 7) "Хроника", № 40, стр. 71.
- 8) См. "Хронику" №№ 38-40.
- 9) См. "Бюллетень Верховного Суда СССР", № 6, 1978, стр. 38.

ИНТЕРВЬЮ С АЛЕКСАНДРОМ ГИНЗБУРГОМ

(провел П. Литвинов)

*Каково положение сегодня в том лагере, в котором ты был? **

В последнее время стало лучше. Изменилась обстановка по двум причинам. Во-первых, в лагерь перестали направлять уголовников, они попадают на особый режим в уголовные лагеря. Последних уголовников прислали в наш лагерь в 74 году. Сейчас получается так: половина особого лагеря – это политические в чистом виде, как и я.

А когда были уголовники, они сильно ухудшали положение?

Твое внутреннее состояние в лагере на 99% зависит от того, с кем ты сидишь. Если ты можешь нормально жить в камере на особом режиме, нормально жить свои 16 часов, те, что ты не на работе, это – самое существенное. Там кормят не кормят, лечат не лечат – это дело десятое. А с кем ты сидишь, надо ли тебе каждый раз оглядываться, уверен ли ты, что у тебя из тумбочки не украдут, уверен ли ты, что на тебя не донесут? И вся эта ситуация, конечно, изменилась в нашу сторону.

Недавно прибыл один и должны были прибыть еще несколько заключенных, которые фактически уголовники, у них случайная 70-я, но не лагерная. Причем вот этот прибыл и еще должны прибыть из места, которое для нас было некоторой неожиданностью – из Тобольской тюрьмы. До сих пор мы думали, что Владимир, а нынче Чистополь – это единственная тюрьма, где держат с 70-й статьей. А теперь выясняется, что 70-я по приговору есть и в Тобольске.

Это такой Виктор Иванович Тарасенков, примерно мой ровесник, то есть года 35-36-го ... Он уголовник, на самом деле уголовник, у которого до этого шесть судимостей, из них две в Монголии, где он родился (он из забайкальских казаков). Где-то еще малолеткой он начал ходить через границу туда-сюда. Пару раз отсидел за кражу, довольно дешево отделался – шесть месяцев, год. Потом первый раз попался на переходе границы обратно, отсидел, и у него еще было три судимости – за кражу, за хулиганство. В очередной раз, это был 76 год, он освободился, пожил несколько месяцев по чужим документам и опять

* Лагерь особого режима: ЖХ – 385/1-6 в Мордовии.

рванул в Монголию. А за ним здесь было несколько уголовных дел, о которых знали, что он был в них замешан, но не имели доказательств. Ну, к примеру, он обокрал какую-то делегацию. Его поймали на очередном переходе. Ну, 64-я у него не получилась. Трудновато давать 64-ю за переход в Монголию. Уголовное дело по доказательствам не выходило. Тогда собрали показания – во-первых, лагерные, о том, что он что-то там на поверке в лагере ляпнул, что-то на наш взгляд совершенно невинное. И второе – там, где он вот эти несколько месяцев прокрутился, он работал на буровой в Краснодарском крае. Там начальство с удовольствием дало показания, что этот бывший уголовник мутит против советской власти. Поэтому чистая 70-я. У него получилось что? Седьмая посадка – значит, он рецидивист, в соответствии с советским законом получался особо опасный рецидив по правилам статьи 24¹, а 70-я у него часть первая. В результате он получил три года за переход границы и семь по 70-й, в итоге – семь, из них – три тюрьмы, но поскольку он уголовник, всегда везде свой человек, то его, естественно, отпустили раньше времени; там можно из тюрьмы уйти даже по половине в лагерь. И он приехал к нам. И, как он говорит, в Тобольске есть еще несколько аналогичных случаев. То есть получается ситуация, что в Тобольской тюрьме сидят тоже с 70-й статьей, то, чего мы абсолютно не знали.

Надо сказать, что все-таки это пополнение уголовниками – оно не совсем то, что раньше, и вот почему. Раньше это были не просто уголовники. Это отбросы уголовного лагеря. (Скажем, кинул листовки, чтобы уйти из зоны – потому что проигрался или еще что, получил 70-ю и приехал к нам.) Ну, а этот, судя по всему, в уголовном лагере отбросом не был. Он тоже, конечно, "друг народа" и так далее, но с ним можно разговаривать. Поэтому это все-таки легче. А тех осталось мало. То есть получилось сейчас так: половина нас, четверть уголовников, четверть полицейев. А раньше ситуация была совсем не та. Была половина уголовников, четверть полицейев, четверть нас. И это, конечно, меняет ситуацию. Во многом благодаря тому, что была помощь с воли, уходила из лагеря информация. Есть совершенно живая связь, она трудная, не без недоразумений, все что угодно бывает, но она живая. То есть нет оторванности, нет озлобленности. Могут быть любые конфликты, потому что вообще тяжело сидеть долго-долго в одной камере.

То есть, как я понял, ощущение того, что все происходящее, любые издевательства станут известны на воле, это меняет настроение?

Абсолютно.

С другой стороны начальство и законы стали здорово резче, причем, с одной стороны, это, конечно, реакция на то, что происходит, и на то, что мы стали активны, а с другой стороны – это они пытаются нас задать.

Законы?

Ну, Кодекс кое-как еще можно толковать туда-сюда. Но что такое инструкция? Это приказ министра внутренних дел, который трудно назвать незаконным, потому что это есть просто одно из толкований Кодекса. Он утверждается Генеральным Прокурором, и он не скрывается от эзков.

Но зачем эзку знать все правила внутреннего распорядка? Это ему на самом деле не надо, ему надо знать ту часть правил, которая непосредственно к нему относится. А к разным лагерям относятся разные части. Вот для нас существенная проблема – свидания. Поэтому у нас висит все очень подробно о свиданиях. По этой части с нами можно делать со свиданиями все что угодно, и это делается. Главное, чем меня пугали, когда везли в Москву на обмен, это тем, что говорили: "Вот Вы говорите, что у Вас нет взысканий. А вот Вы тут упираетесь, понимаете ли, а ведь свидание ... Вот мы акт сейчас составим". А я действительно обошелся так, что у меня не было составлено ни одного акта за то время, что я пробыл в лагере. Ко мне поди придириись. Работать я привык, всегда выполнял норму. У меня особая привычка к станку, поэтому я стал ее выполнять сразу.

А какова норма?

Она ровно в два с половиной раза выше нормы на воле.

А как-то объясняется такая завышенная норма? Есть какие-то разрядные сетки, нормы?

Никак это не объясняется, и разрядов никаких нет. У нас одна и та же работа – шлифовка хрусталя. Они никак ничего не объясняют, просто регулярно каждый год повышают норму. План выполняется, норма выполняется – значит, она выполняема. А если не выполняется – то это карцер. А чтобы ее выполнять, нам дозволяется, – тут нам даже идут навстречу в полной мере – работать сверхурочно. Вот это нам разрешают. Конечно, сверхурочные эти никак не оплачиваются. Все очень просто.

А работа в других лагерях? Вот, я помню, Юлий Даниэль, например, шил рукавицы. Ты там тоже был. Ты мог сшить 53 рукавицы?

Я мог. При мне даже до 75 подняли.

А кто еще мог?

Ну, Капитыньш помер на этом. Он умер просто за швейной машинкой. Начальству талдычили непрерывно: "Не заставляйте человека, он не может этого сделать". Они его давили-давили, а он старательный латыш, который все это делал. (Капитыньш был рядовым латышского

сопротивления.) Он был близок к этой кампании – Даниэлю и др., и по этому его давили.

Наша работа в моем последнем лагере – это шлифовка подвесок для хрустальных люстр, размером 8 на 18. Это жуткая стеклянная пыль.

Как с техникой безопасности у вас?

Никак. С диким трудом добились респираторов, но вместо респираторов нам дали противогазы. В них работать невозможно. Кто-то пытается, например, Гаяускас, в них работать. Я, например, в них задыхался и работал без противогаза.

Но по технике безопасности какие-то бумаги есть, как-то что-нибудь записано?

У нас написано, предположим, что нам запрещается подходить к станку с развевающимися рукавами, запрещается ремонтировать включенный станок. Но вентиляции мы так и не добились. В течение нескольких лет ребята добивались вентиляции, и наконец над одним из двух главных шлифовальных станков поставили огромный колпак и протянули от него большую трубу, заставили опять же эзков задарма работать, чтоб поставить все это хозяйство. Так вот, поставили такой колпак. Но выяснилась такая штука. Колпак поставили очень широкий. Получалось, что мы работаем в зоне, где нам вся эта пыль с удвоенной силой бьет в лицо. То есть реально один раз его включили и сразу пришлось выключить. Он зиму простоял, весной его сняли.

Есть же общесоюзные правила техники безопасности. Нельзя их как-нибудь получить?

Мы вот только незадолго до этого получили ... Работа очень вредная. Получили список профессий, при которых получают пайковое молоко. И нашли там нашу родную работу. Но там сказано, что ходатайствовать должна профсоюзная организация. Нам сказали: "Ну, вы же не члены профсоюза". На это мы сказали: "Хорошо, мы сейчас организуем профсоюз". Правда, никакого профсоюза мы не организовали, не до него было, хватало хлопот без этого.

Где-то за полгода до моего появления в лагере ребята добились годоводкой того, что в лагерь приехала санэпидкомиссия. В рабочее время они поставили аппарат в шести метрах от станка. А дикая пыль только в зоне работы, как раз там, где твоя голова, а мы в этой зоне все 8 часов. А они нашли где-то инструкцию, что запыленность замеряется на определенном расстоянии от источника пыли. Мы же работаем в непосредственной близости от этого источника. Насколько я понимаю, эта инструкция относилась совсем к другому случаю. А мы работаем, склонившись над станком, прижимая стекло руками с помощью резиновой матрицы к шлифовальному кругу.

А вы пытались узнать, как это делается на воле?

Мы пытались, но нам не удалось. Когда эта работа была в зоне введена, норма была 9 штук в день. Когда я уходил из зоны, норма была 32 штуки в день.

Ты получал зарплату?

Ну, процентов 14 уходило на питание. 100% наши – это 60 рублей. Как я представляю себе вольные ставки, при выполнении нашей нормы на воле человек зарабатывал бы 110 рублей.

Вот ты говоришь, что атмосфера в камере – это самое главное. Это безусловно. Но все-таки было голодно?

Я вспоминаю 70-й год, начало моей Владимирской тюрьмы. Меня сразу сунули в камеру с сумасшедшим, у которого голодный пункт. Это солдат, который когда-то бежал в Германию и был пойман. То есть ситуация такая, что, если у тебя внутри нет ничего, ты думаешь о еде. А если у тебя, кроме того что ты сам более или менее нормальный человек, есть о чем подумать, а плюс к этому еще у тебя есть собеседник, то у тебя не остается времени думать о еде.

Наверно, это еще и вопрос степени голода?

Конечно. На самом деле сказать, что существует прямой голод, мы не можем. Нам дают говно, но дают, немного, но дают. Но опять же – мы люди разного возраста, одному надо больше, другому меньше. Мне хватало, я мог нажраться этим хлебом. Хлеба давали строго по 600 грамм.

Надо сказать, что худшей ситуации, чем сейчас, я думаю, не было. Я не склонен целиком ее валить на лагерный режим. Тут была очень забавная ситуация. У меня в деле были всякие документы о том, что было в ларьке. Ну, проверяли они хельсинкские документы. Запросили всякие справки. И действительно, на время проверки хельсинкских документов они резко улучшили с перепугу и питание, и снабжение.

Откуда ты знаешь, что это было именно во время проверки хельсинкских документов?

Ну, ситуация такая. Эта проверка проходила с февраля по май 77 года. Нас арестовали в феврале. И в это время в лагере появлялись лук, помидоры. Что такое помидоры в зоне в мае? Но купить их все равно нельзя было. Они появлялись в ларьке по 4 рубля. Людям курить надо, чай нужен (чай дают теперь одну пачку в месяц), так что помидоры там просто лежали. Они могли бы точно так же завозить в ларек шести-

рублевую колбасу. (На ларек в месяц можно тратить не больше 4 рублей.) Тут есть какой-то элемент издевательства, с одной стороны. Но кроме того все-таки улучшилось само питание – с февраля по май. А потом опять все вернулось на круги своя. То же самое было в других лагерях – на 19-м, на 35-м, 36-м и 37-м.

Всех, кого мы упоминали в своих документах, дернули в больницу на неделю. И вот выдали им диагнозы, что они здоровы. Вот, например, жутко мается Караванский со своей гипертонией, давление у него подсккивает до 250, тогда он в лежку лежит. Где-то в марте месяце 77 года у него не было приступа, и в это время ему и поставили диагноз, что он здоров. Ну, вызвали Кузнецова туда на проверку. Я не знаю, сказал он или не сказал, но в деле у меня есть копия его медицинской карты. Заявляют, что он здоровее всех в зоне. На самом деле так и есть, Эдик действительно был здоровее всех в зоне. Язва-то у него есть, что говорить, но он такого что ли склада, что здоровее всех в зоне. Но ведь в деле-то "здоровее всех в зоне" выглядит немного иначе.

Ну, а со времен смерти Юры Галанскова и вот массы всяких историй с лагерной медициной – можно сказать, что улучшилась, или ухудшилась, общая ситуация с медициной?

Ситуация просто не изменилась. Они попробовали проверить ситуацию с Юрой Галансковым, ну, по всяким бумагам, изъятым у меня на обыске. Была у меня посевовская книжка "Он не искал ни богатства, ни славы", еще что-то. У них было большое желание, и мне предъявлялось такое обвинение, что, мол, "он оклеветал советскую медицину, сказав, что КГБ убил Галанскова". Это, кстати, то, на чем дико завелась моя адвокатша Резникова. Когда она прочитала все, что они собрали о ситуации с Галансковым, это чисто по-человечески ее взбесило. Хотя у меня в окончательном обвинении этого не было. Что они сделали? Это очень забавно. Они допросили всех врачей, которые как-то были причастны к галансковскому так называемому лечению, – терапевтов, хирургов, всех. С того времени все эти врачи давно уже там не работают, разъехались по разным местам. Чтобы их допросить, разослали следственные поручения. И каждый врач сказал, что "... мы все сделали правильно, все остальные врачи были замечательны, если бы Галансков не объявлял необоснованных голодовок, был бы он живой и здоровый". Вот три врача стояли, когда его резали. И все три рассказали об этом абсолютно по-разному и абсолютно не в соответствии с тем, что было в окончательном диагнозе, который делал анатом. И это все было в моем деле. То есть каждый из этих документов предназначен для обличения меня как лжеца, но все эти документы разные и дают такую жуткую картину! Ясно, что врут все и каждый – во что горазд. А делавший ему реальную операцию экз заявил: "Я считаю, что я исполнил свой долг врача и гражданина". Это так заканчивается протокол его допроса. Он говорит о том, что он все прекрасно сделал,

все это клевета и так далее. В результате получается: "Я его лечил абсолютно правильно, исполнил свой долг врача и гражданина", а Галансков умер.

Пожалуй, ситуация с медициной стала даже хуже. И вот почему. В наше время туда еще ехали – по распределению. А сейчас не едут. Отоларинголога там нету уже четыре года, во всем Дубровлагте. Нету. И вызвать его откуда-нибудь невозможно. Специалиста по почкам нету, и Федоров ждет его уже три года.

Вот ты был в лагере особого режима. Вкратце напомни, в чем различие между особым режимом и строгим.

Самое главное – это камеры. На строгом режиме тоже нет свободного хождения, там сейчас введено разграничение зон на минizonы, то есть реально вы имеете пространства под открытым небом немногим больше, чем в камере, даже на строгом режиме. Это пространство отделено от другой зоны просто колючей проволокой, то есть воздуха вы не лишены. Камера – это значит, что воздуха вы имеете максимум час в день. При этом если ты работаешь днем, то считается, что тебе этот час вообще не нужен, ты и днем можешь погулять, во время работы. У цеха есть свой прогулочный дворик – пожалуйста, выходи. Но если ты не выполняешь норму – у тебя нет времени выходить погулять. А если ты работаешь во вторую смену, то тебе днем предлагают часовую прогулку.

Давай еще поговорим об ухудшении режима – это во всех лагерях?

Да, это везде. Вот у меня в дело были вложены документы по строгому режиму о наказаниях, которым подвергались заключенные за период 76 – начало 77 года. Там очень часто были наказания за непосещение политзанятий, за то, что человек отказался явиться по вызову КГБ. (А по закону мы обязаны подчиняться только администрации. А тут приезжает в лагерь сотрудник КГБ и тебя вызывает, а ты говоришь: "А мне не о чем с ним разговаривать". Но если ты туда не пошел, то это основание для любого наказания.) Соответствия между нарушением и наказанием не существует вообще. За любое нарушение может быть любое наказание.

Раньше, в первую мою посадку, в правилах было сказано, что наказание должно соответствовать нарушению. А сейчас сказано, что начальник имеет право назначить наказание в пределах отведенных ему полномочий.

Можешь ли ты привести примеры?

При мне из особого лагеря не отправляли в тюрьму. Вообще за последний год в тюрьму отправили достаточно мало. За все время, что

я был там, в Чистополь отправили всего двух человек – не из нашего лагеря. (Из Владимира перевезли с охраной на бронетранспортерах всех заключенных – 70 статью в Чистополь, Владимир остался только для уголовников. Наших всех перевезли в Чистополь, отдав им половину Чистопольской тюрьмы. Во Владимире слишком много туристов, близко к Москве. В Чистополе же нет даже железной дороги, ближайшая железная дорога – 180 км. Это Татария.)

Ну, еще про Тобольск мы недавно узнали. Но туда, видимо, попадают местные. Дело в том, что из наших лагерей, которые мы считаем единственными лагерями особо опасных государственных преступников, люди попадают только в Чистополь. А вот как и куда люди попадают по приговору, мы сейчас, из-за обнаружения этого Тобольска, начали сомневаться.

То есть не исключено, что в каких-то областях существуют тюрьмы с 70-й статьей, о которых никто ничего не знает?

Да, да. Первое сообщение о Тобольске – это было прибытие того самого Тарасенкова.

Это интересно еще и потому, что ставит под сомнение цифры политзаключенных в России. Кстати, Алик, у тебя есть какая-то оценка количества политзаключенных?

Моя оценка вот такая – это около полутысячи в наших лагерях, то есть в лагерях особо опасных государственных преступников. И значительно больше, примерно на порядок выше цифра – не в наших лагерях, то есть 190 и религиозная статьи. В общем – несколько тысяч, в пределах пяти.

Каких людей, с которыми сидел, ты бы хотел как-то отметить?

Олекса Тихий. Ситуация с ним самая жуткая. Мы из-за него объявили заранее голодовку. Там была штука такая. У нас существует очередь на наказания. Самая простая. У нас карцеров мало, следовательно, всех нас пропускать одновременно через карцеры невозможно. Поэтому существует очередь. Берут, например, одного-двух-трех и пропускают через всю систему, чтобы из тебя что-нибудь сделать. Потому что если тебя взяли в карцер, ты 15 суток отсидел, а потом три месяца отдыхаешь, то давления вроде бы никакого. Поэтому начинается не с карцера. Олекса попал в эту череду. И когда у него уже подошло к карцеру, он объявил голодовку. При этом ведь при наших лагерных голодовках тебя не кормят искусственно, пока ты не полусдох, даже фельдшер не появляется. В результате на 16-й день голодовки у него был дикий приступ, его крик все слышали – у нас такое тюремное помещение. У него были дикие боли в желудке. Через несколько часов

боли фельдшера все-таки вызвали, фельдшер отправил его в больницу. Как только его привезли в больницу, ему тут же сделали операцию. И тут что-то произошло. Нам рассказывали, что ему сделали операцию, прободение язвы, но в общем, знаете, у него, кажется, не язва, а рак, и надо делать вторую операцию. То есть нам вроде как дают понять, что они, мол, не виноваты, если он умрет. И вот мы заявляем, что если не будут приняты определенные меры, то мы через несколько дней объявляем голодовку. На следующий день после подачи этого заявления состоялся этот самый обмен. Потом ему устроили вторую операцию, вызвав врача из Москвы. Вызвали сыновей, с ними говорили, что его, может быть, активируют.

НЕКРОЛОГ

ОТЕЦ КАРОЛИС ГАРУЦКАС

Каролис Гаруцкас родился 1 мая 1908 года вблизи Рамигалы в Центральной Литве. Он умер 5 апреля 1979 года в городе Швенченис.

Священник Гаруцкас был человеком высочайшей скромности — вероятно, здесь точнее говорить о смирении. Поэтому мы немного знаем о его жизни. Те события, которые нам известны, говорят не только о нем, но и о судьбе Католической Церкви в Литве.

Он учился в Паневежисе и в 1931 году стал членом ордена иезуитов. Пройдя курс богословия в Германии и Нидерландах, он был посвящен в сан священника в 1941 году. С 1945 по 1948 год служил в Вильнюсе. В письме на имя Брежнева (26 декабря 1975 года) отец Каролис говорит, что многие годы находился в конфликте с властями, хотя и не подвергался суду. Его ссылали в дальние приходы. Последним был приход в Цейкиняй в восточной Литве, вблизи границы с Белоруссией.

Цейкиняй часто упоминался в "Хронике Литовской Католической Церкви". КГБ считал священника Гаруцкаса одним из ее редакторов и подвергал его допросам, но не смог обосновать свои подозрения.

Отец Каролис принадлежал к числу первых литовских правозащитников. Он подписывался под многими письмами в защиту верующих. Хорошо известно его смелое и документированное обращение (20 сентября 1971 года) к епископу Юзасу Матулайтису-Лабукасу, которого отец Каролис критиковал за компромиссы и уступки режиму.

25 ноября 1976 года отец Каролис Гаруцкас вступил в Литовскую группу "Хельсинки" как один из ее членов-основателей. Вплоть до смерти он ставил свою подпись под всеми ее документами. 10 октября 1977 года его, уже тяжело больного, семь часов допрашивали о деятельности группы.

На суде над Викторасом Пяткусом, 11 июля 1978 года, отец Каролис сказал:

Наши заявления основаны на фактах. Если хотите, можете судить и меня. Я буду счастлив, если моя судьба будет такой же, как судьба погибших в лагерях епископа Рейниса, ксендза Андриюшки и других мучеников .

Эта чаша миновала его.

Отец Каролис скончался от рака легких. На его похоронах присутствовали два епископа и сотни людей со всех концов Литвы. Присутствовал и священник Альфонсас Сваринскас, один из основателей Католического комитета защиты прав верующих.

На смертном одре отец Каролис получил телеграмму от Иоанна Павла II, который сказал, что молится за него и за Литовскую Церковь. Американские сенаторы и конгрессмены, входящие в Комиссию по безопасности и сотрудничеству в Европе, почтили его память минутой молчания.

Документы, подготовленные отцом Каролисом Гаруцкасом, продолжают публиковаться и после его смерти.

Томас Венцлова

ДОКУМЕНТЫ

УВОЛЬНЕНИЕ ЗА ДРУЖБУ С УЕЗЖАЮЩИМИ В ИЗРАИЛЬ

ХАРАКТЕРИСТИКА

на старшего инженера отдела ВК
Розенман Аллу Пинхусовну

Розенман А.П., 1935 г. рождения, имеет высшее образование, по специальности инженер-гидротехник, работает в Киевском Промстройпроекте с 1964 г., общий стаж работы 15 лет.

В общественной жизни участия не принимает, семинары по экономической учебе не посещает.

В связи с установлением ненормальных отношений с бригадиром, что негативно сказывалось на работе, Розенман А.П. в 1972 г. была переведена из бригады № 5 в бригаду № 6. Находится в ненормальных отношениях с главным специалистом, которому подчинена по службе, что также отрицательно сказывается на работе.

Розенман А.П. устанавливает и своим поведением демонстративно подчеркивает близкие дружественные отношения с лицами, меняющими Советское гражданство и выезжающими на жительство в Израиль, и оправдывает их сионистские цели и устремления.

Занимаемой должности не соответствует.

Начальник отдела ВК — подпись —

Ф. Чернушенко

Профорг — подпись —

В. Плехов

9.IV-73 г.

Верно:

Начальник отдела кадров —

А. Гришко

Печать

Аттестационный лист

1. Фамилия, имя, отчество – Розенман Алла Пинхусовна
2. Год рождения – 1936 г.
3. Национальность – еврейка
4. Партийность – беспартийная
5. Образование – высшее
6. Специальность – инженер гидротехник
7. Ученая степень, ученое звание – не имеет
8. Общий трудовой стаж (в том числе по специальности) – с 1958 г.
9. Занимаемая должность на момент аттестации – старший инженер сантехотдела № 2 института "Киевский Промстройпроект".
10. Результаты тайного голосования и рекомендации аттестационной комиссии – не соответствует занимаемой должности. Имеет чуждую идеологию (см. характеристику), не может воспитывать подчиненных в коммунистическом духе.

Председатель аттестационной комиссии –

подпись

Члены комиссии –

подпись

Дата – 20.IV.73 г.

С аттестационным листом ознакомлен (*подпись аттестованного*) –

От подписи отказалась

Верно:

Начальник отдела кадров –

(Гришко)

Печать

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА
по Государственному проектному институту
"Киевский Промстройпроект"

№ 44-ок

г. Киев

23 апреля 1973 г.

Параграф 8

Старшего инженера сантехотдела № 2 т. Розенман А.П. освободить от работы по результатам аттестации 20/IV-73 г.

Основание: Протокол аттестационной комиссии.

п/п Директор Института –

В.Варварцев

Верно: печать

ОБ ОТКЛЮЧЕНИИ ТЕЛЕФОНА

Министерство Связи
Московская городская
телефонная сеть
Центральный
телефонный узел
103092, г. Москва,
Даев пер., 19
тел. 207-33-20
17.07.78 № 5-11-481

*г. Закс Ю.Б.
Москва, 103064, ул. Чкалова,
д. 14 кв. 76*

На Ваше заявление от 06.07.1978 г. Центральный телефонный узел сообщает, что согласно правил Городской телефонной связи Ваш телефон был выключен 16.12.1977 г. ввиду его использования в целях, противоречащих государственным интересам, и 06.07.78 г. по распоряжению МГТС узлу дано указание переименовать телефон 297-8400 на Ваше имя и включить его.

В настоящее время телефон включен, выслан счет за переименование в сумме 1 рубля.

Начальник –

О.О. Панкратов

ПИСЬМА ВОЕННОГО ПРОКУРОРА

Прокуратура СССР
Военный Прокурор
Братского гарнизона
13.2.79
№ 278

г. Братск Иркутской обл.

*Гр-ке Шрейдер Т.Ф.
гор. Алма-Ата, ул. Севастополь-
ская, 35*

Сообщаю, что Ваша жалоба мною тщательно рассмотрена. Сообщаю, что 6 февраля 1979 года Вашему сыну предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст.249 п. "а" УК РСФСР за отказ исполнять обязанности по военной службе. Ваша ссылка и ссылка Вашего сына, что его судят за религиозные убеждения, не состоятельна, т.к. за веру в бога в нашей стране никого не судят. Вашего сына будут судить не за то, что *он верит в бога*, а за то, что *он отказывается исполнять обязанности по военной службе*, в том числе и в субботние дни. Кроме того и за отказ принять присягу на верность родине вплоть до защиты ее с оружием в руках.

Вашего сына никогда никто не оскорблял и не унижал как верующего человека. Это его дело — верит он в бога или нет.

Совершению религиозных обрядов Вашему сыну никто не воспрепятствовал. Ваша ссылка на Конституцию в конкретном случае не состоятельна, в этом важнейшем документе советской власти есть и указания о том, что каждый гражданин нашей родины обязан защищать ее. Уставы Вооруженных Сил СССР приняты Верховным Советом СССР 30 июля 1975 года и обязаны к исполнению всеми военнослужащими независимо от вероисповедания. Невыполнение их — карается Законом. Хочется напомнить в этой связи слова Ленина : "Армия крепка своей дисциплиной".

Вы ссылаетесь на ст. ст. 243 и 260 УК РСФСР. Эти статьи УК РСФСР регламентируют воинские преступления, кстати, за воинское преступление и будет нести уголовную ответственность Ваш сын, т.к. начальным моментом военной службы является явка призывника на призывной пункт для отправки в войска. Я еще хочу Вам как матери разъяснить, что уголовное дело в отношении Вашего сына может быть прекращено только в случае принятия присяги и работать в любое время в соответствии с указаниями начальников и командиров.

*Военный Прокурор Братского
гарнизона, капитан юстиции —
Скибин*

Прокуратура СССР
Военный Прокурор
Братского гарнизона

16.2.79

№ 286

Индекс: 665712, тел 2-29-50

г. Братск, Иркутской обл.

Гр. Шрейдер Т.Ф.

г. Алма-Ата 48,

ул. Севастопольская, № 35

Сообщаю, что Ваши обе жалобы мною рассмотрены. Еще раз сообщаю, что Ваш сын привлекается к уголовной ответственности не за религиозные убеждения, а за отказ выполнять обязанности по военной службе. В настоящее время Вашему сыну предъявлено обвинение по ст. 249 п. "а" УК РСФСР, и дело передается для рассмотрения военному трибуналу Иркутского гарнизона.

Ваши ссылки на библию, которая не является для нас Законом, не могут быть приняты во внимание, так как наше государство библию не принимало в установленном порядке. Более того, Ваш сын не работает на производстве и не выполняет другие приказы и распоряжения не только по субботам, но и с захода солнца по пятницам. Вы вправе жаловаться во все инстанции, нас же прошу не отвлекать письмами одного и того же содержания, которые для нас, атеистов, не являются основанием для прекращения дела в отношении Вашего сына.

Я уже давал Вам ответ на одну из Ваших жалоб и только еще могу Вам повторить, что ради бога Вы забываете о судьбе сына, который будет все равно наказан, независимо от того, куда бы Вы ни подавали жалобы.

Мне очень жаль, что Вы так и не поняли существа наших советских законов, а руководствуясь только религиозными убеждениями, даже во вред Вашему сыну.

С уважением к Вам —

*Военный Прокурор Братского
гарнизона, капитан юстиции —*

Скибин

БИБЛИОГРАФИЯ

Поступления Самиздата

- Аболаев Э., крымский татарин. Обращение к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Брежневу с просьбой восстановить справедливость, поскольку его и его семью незаконно выслали из собственного дома за пределы Крыма, 27 марта 1979 г.
- Анисимова С.В., адвентистка. Заявление в Ташкентский областной суд в защиту В.А. Шелкова, 25 февраля 1979 г.
- Гаяускене И. Открытое письмо председателю профсоюза электриков США – с просьбой помочь ее мужу политзаключенному Б. Гаяускасу, (с приложением биографии Гаяускаса), начало 1979 г.
- Гендин Л., еврей-отказник. Обращение к американскому правительству и всем честным людям мира с просьбой спасти его от преследований КГБ, март 1979 г.
- Глузман С., политзаключенный. Письмо неизвестному адресату о его голодовке протеста против водворения в ПКТ Пермского лагеря № 37, на пути в ссылку, вероятно, ж/д Свердловск – Тюмень, вскоре после 20 апреля 1979 г.
- Деревенскова Е.Н., мать политзаключенного И. Огурцова. Обращение к женам Брежнева и Картера с просьбой помочь и спасти ее сына, 9 мая 1979 г.
- С. Диденко. "Кто я – гражданин СССР или недобитая скотина" – описание издевательств в прокуратуре г. Ташкента в связи с утерей автором паспорта, Ангрэн, 5 ноября 1978 г.
- Жолковская (Гинзбург) И. Информация о свидании с мужем в Мордовском особом лагере 1-6, 26 марта 1979 г.
- Зисельс И. Обращение в защиту мужа – политзаключенного Иосифа Зисельса, 5 апреля 1979 г. (опubl. наст. вып.).
- Ланда М. Сообщение о преследованиях КГБ жены политзаключенного А. Мурженко, март 1979 г.
- Ланда М. Сообщение о положении Н. Строкатовой, поднадзорной, жены политзаключенного С. Караванского, февраль 1979 г.
- Малинкович В. Заявление Председателю КГБ Андропову об обыске, который был произведен у него на квартире в г. Киеве без соответствующего юридического обоснования, 8 марта 1979 г.
- Марченко В., политзаключенный. Заявление Генеральному секретарю ООН Курту Вальдхайму – просьба способствовать возможности получения политзаключенными писем из-за рубежа, 10 декабря 1978 г.
- Марченко В. Письмо к матери из лагеря, 11 февраля 1979 г.

- Марченко В. Заявление начальнику чусовского агентства "Союзпечать", без даты (около июля 1978 г.).
- Мать политзаключенного Валерия Марченко. Заявление министру внутренних дел СССР Шелокову – просьба разрешить спецэтапирование сына в ссылку в связи с его тяжелым физическим состоянием, весна 1979 г.
- Медведев Р. Открытое письмо Георгию Владимову, 27 октября 1978 г.
- Мешко О. Некролог М. Мельника, 12 марта 1979 г. (на украинском языке).
- Мешко О. "Протест" – Секретарю ЦК Украины Шербицкому, Генеральному Прокурору СССР Руденко, главе Украинского комитета защиты мира О. Гончару – против обыска, проведенного у О. Мешко на квартире, 1979 г.
- Мешко О. Информация об аресте О. Бердника, обысках у Р. Руденко, П. Стокотельного, В. Малинковича и др., 1979 г.
- Мильгром-Щаранская И. Открытое письмо Генеральному Секретарю ЦК КПСС Брежневу, – по поводу лишения свидания с сыном и других преследований их семьи, 5 сентября 1978 г.
- Мильгром-Щаранская И. Обращение к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Брежневу с требованием соблюдать Конституцию и выдать ей на руки приговор сына как его доверенному лицу, 11 ноября 1979 г.
- Некипелов В. "Открытое письмо к собратьям по ассоциации" – обращение к председателю французского Пен-клуба г-ну Ж.Э. Клансье по поводу изъятия на обысках всего писательского архива старшей украинской писательницы Н.В. Суровцевой, 83-х лет, г. Камешково, 18 марта 1979 г.
- Некипелов В. "Опричина – 79 (Политические расправы уголовным путем), выпуск 1. Книжные погромы в СССР", г. Камешковс Владимирской обл., март 1979 г.
- Никитов А., служитель Рязанской общины ЕХБ. "Автобиография", г. Рязань, 22 марта 1979 г.
- Николаев Е. Заявление в Прокуратуру РСФСР с требованием разрешить ему выезд из СССР, 26 апреля 1979 г.
- Осадчий М., политзаключенный. Информация об этапе в ссылку и описание ссылки, пос. Мылва, 7 марта 1979 г.
- Огурцов В.В. Обращение в защиту сына – политзаключенного Игоря Огурцова, 9 мая 1979 г. (опубл. наст. вып.).
- Пашнин Е., политссылный. Письмо Патриарху Пимену с протестом против отказа редакции журнала Московской Патриархии принять деньги на подписку на журнал, Воркута, 18 марта 1979 г.
- Пензин А. "Мои хождения по мукам" – о преследованиях за религиозные убеждения, г. Ташкент, май 1978 г.
- Пидгородецкий В., политзаключенный. Письмо из Пермского лагеря №35, 1 марта 1979 г.
- Редин А., служитель Рязанской общины ЕХБ. "Автобиография", Рязань, 22 марта 1979 г.

- Руденко Раиса. Открытое письмо в Украинскую группу "Хельсинки" о положении ее мужа – политзаключенного Миколы Руденко, 7 марта 1979 г. (опубл. наст. вып.).
- Розенцвейг Ю. Обращение в конгресс США по поводу препятствий в выезде в Израиль, Москва, 21 февраля 1979 г.
- Рустамов А. Заявление "Из серии – "Советский Союз глазами гражданина СССР" – в поддержку деятельности Хельсинкских групп, Архангельская обл., г. Северодвинск, 29 марта 1979 г.
- Солдатов С., политзаключенный. "Немного информации" – о положении в ИТК-19, 1979 г.
- Солдатов С. "Правительству СССР"; 30 сентября 1979 г.
- Солдатов С. Обращение к "московским друзьям-диссидентам", 1979 г.
- Солдатов С. "10 лет демократического движения (1969-1979), юбилейный сборник," Мордовия, 1979 г.
- Ходорович С., распорядитель Фонда помощи политзаключенным и их семьям. "Обращение к прессе" о привлечении внимания международной общественности к преследованиям, запугиванию и угрозам в адрес Жолковской, Сахарова и др. диссидентов, март 1979 г.
- Шелков В., председатель Совета ВЦ ВСАСД. Обращение к представителям государств – участников Белградского совещания, июнь 1977 г.

Коллективные произведения

- Винс П., Горбаль М., Малинкович В., Матусевич-Гейко О., Стокотельный П. На смерть Михаила Мельника., март 1979 г.
- Ланда М., Боннэр Е., Каллистратова С. Информация о десятидневной забастовке политзаключенных Уральского лагеря № 35, 26 апреля 1979 г. (опубл. наст. вып.).
- Найденевич А., Хейфец М. На смерть Николая Кончаковского, бывшего политзаключенного, 1979 г.
- Пореш В., Попков В., Бурцев В., участники Христианского семинара. Заявление Уполномоченному Совету по делам религии по г. Москве Плеханову А.С. – о преследованиях участников семинара, 26 февраля 1979 г.
- Участники Христианского семинара (5 подписей). Заявление начальнику ГУИТУ МВД СССР с просьбой разрешить п/з А. Огородникову свидание со священником, март-апрель 1979 г.
- Редина А., Попова Н., Никитова З. Заявление Брежневу, Руденко, Куроедову и др. с просьбой прекратить преследование их мужей за религиозные убеждения, 25 марта 1979 г.
- 12 подписей (Кравченко З. и др.). Письмо Куроедову с просьбой принять меры против правонарушителей, препятствующих ремонту храма, г. Павлоград, 1 марта 1979 г.
- 21 подпись (Смирнов и др.). Письмо прокурору г. Москвы М.Г. Малькову о незаконно закрытом судебном разбирательстве дела С. Ермолаева и В. Полякова, примерно 11 марта 1979 г.

- 16 членов Рязанской общины ЕХБ (Пирогов и др.). Заявление Генеральному Прокурору Руденко об изъятии и сожжении религиозной литературы, с приложением протокола уничтожения вещественных доказательств, Рязань, 3 апреля 1979 г.
- 86 членов Рязанской общины ЕХБ (Попов Н. и др.). Заявление Брежневу и др. с просьбой вмешаться и приостановить суд над служащими ЕХБ Поповым Н., Рединым А. и Никитовым А., .. Рязань, 25 марта 1979 г.
- 155 подписей адвентистов. Заявление в Верховный Суд Уз. ССР от верующих граждан, членов ВЦ ВСАСД в защиту Шелкова В.А., Спалиня А.А. и Лепшина И.С., 29 марта 1979 г.
- 60 подписей крымских татар. Заявление от представителей крымско-татарского народа Генеральному Прокурору Руденко, Москва, февраль 1979 г.
- 155 подписей представителей крымско-татарского народа. Информация-отчет № 127, февраль 1979 г.
- 54 подписи. Информация-отчет № 128 представителей крымско-татарского народа, январь-февраль 1979 г.
- 21 подпись (Азизов С. и др.). Информация-отчет № 129 представителей крымско-татарского народа, находящихся в Москве по национальному вопросу крымских татар, с приложением текста телеграммы Брежневу, 19 марта 1979 г.
- Подборка документов адвентистов по делу В.А. Шелкова (в форме свидетельских показаний), 1979 г.

Анонимные произведения

- Дополнительная информация по делу П. Рубана (на основании писем, заявлений, черновиков).
- Всенародный запрос в Совет Министров СССР, Верховный Совет СССР, Политбюро ЦК КПСС и к советской общественности от крымских татар, 29 января 1979 г. (Собрано 1900 подписей, сбор подписей продолжается.)
- Информация о выселении крымских татар, март 1979 г.
- Президенту Франции Жискара д'Эстену от активистов крымско-татарского движения, март 1979 г.
- Список крымских татар, осужденных за нарушение паспортного режима (85 человек).
- Список семей крымских татар, насильственно выброшенных из купленных домов в Крымской области (64 семьи), 1974-1978 гг.
- Открытое обращение к членам ЦК КПСС и руководителям советского государства, с предложением к читающим всецело способствовать распространению этого обращения.
- Список литературы, изъятый у В.А. Шелкова и не возвращенной.
- Дело Э. Кулешова, информация "Под следствием", январь-апрель 1979 г.
- Дело Э. Кулешова, информация о судебном заседании, 6 марта 1979 г., после чего дело отправлено на следствие.

- Министру внутренних дел Щелокову о положении политзаключенных на этапах и о систематических нарушениях администрацией тюрем Положения о раздельном этапировании уголовных элементов и лиц, осужденных за политическую деятельность, без даты.
- Сообщение о психиатрических преследованиях за религиозные убеждения Монбланова В.В., март 1979 г.
- Информационное сообщение о положении политических ссыльных Антолюка Э., Светличного И. и Ма-Хуна (на поселении).
- Описание суда над Л.Г. Лукьяненко, г. Городня, 18 июля 1978 г.
- Информация о молодежной оппозиции в Ленинграде, 1979 г.
- Информация о суде над А. Цурковым, апрель 1979 г.
- Хроника Архипелага ГУЛаг (зона № 35), апрель-ноябрь 1978 г.
- Текущая информация о положении в ИТК № 35, Пермь, конец 1978 – начало 1979.
- Заявление редколлегии журнала "Поиски" – редакторы, сотрудники и издатели "Поисков" обращаются к мировой общественности с призывом защитить и предотвратить расправу над журналистом Валерием Абрамкиным, Москва, апрель 1979 г. (опubl. наст. вып.).
- "К проблеме эмиграции" – положение А. Миллера, немца, желающего выехать из СССР.
- Информационное сообщение о расклеивании листовок в Пятигорске, Железноводске и др. городах. Автор листовки О. Соловьев, расклеены 10 декабря 1978 г.
- Сообщение о суде над Мустафой Джемилевым, март 1979 г. (опubl. наст. вып.).

Официальные документы

Ответ Прокуратуры СССР на письмо Мильгром-Щаранской от 5 сентября 1978 г. (отрицательный), 4 ноября 1978 г.

Документы ассоциаций

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР

- Приложение к документу № 69. 270 подписей присоединившихся к обращению (документ опубликован в "Хронике защиты" 32).
- Документ № 83. Суд над Иосифом Зисельсом, 5 апреля 1979 г. (к документу присоединяются еще 9 человек).
- Документ № 84. Информация о преследованиях КГБ Петра Винса после освобождения, 14 апреля 1979 г. (Приложение: Письмо П. Винса главам государств, подписавших Хельсинкские соглашения, и Генеральному Прокурору СССР Руденко, 29 марта 1979 г.)
- Документ № 85. "Нарушение социально-экономических прав человека в СССР. Право на труд." 21 апреля 1979 г. (опubl. наст. вып.).
- Документ № 86. "Угроза новых репрессий за свободное слово", 25 апреля 1979 г.

Документ № 87. "О положении заключенных в лагерях СССР", 25 апреля 1979 г. (Приложение: М. Ланда. Информация о положении З. Антонюка, направленного в ссылку.)

Документ № 89. "О злоупотреблениях психиатрией в политических целях", 20 мая 1979 г. К документу присоединяются члены Рабочей комиссии – 3 подписи.

Документ № 90. "Новая угроза А.Д. Сахарову", 20 мая 1979 г.

Украинская общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений

"Обращение в Комитет ООН по защите прав и свобод человека; правительствам и парламентам стран, подписавших Хельсинкские соглашения; всем демократам мира, общественности всех стран", ноябрь 1978 г.

Информационный бюллетень, чрезвычайный, безномерной. 1979 год – критический год волны репрессий в Украинской Хельсинкской группе, март-апрель 1979 г.

Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях в СССР

Информационный бюллетень № 15, 8 марта 1979 г.

Информационный бюллетень № 16, 30 апреля 1979 г.

Христианский комитет защиты прав верующих в СССР

Заявление председателю КГБ Лит. ССР Петкявичюсу с требованием прекращения преследования священника Сигитаса-Юозаса Тамкявичюса (с двумя приложениями), 2 февраля 1979 г.

Письмо Куроедову с просьбой приостановить судебное преследование служителей ЕХБ Редина, Никитова, 2 апреля 1979 г.

Инициативная группа защиты прав инвалидов в СССР

Сообщение о преследованиях со стороны КГБ члена Группы Валерия Фефелова, март 1979 г.

Телеграмма Брежневу в защиту инвалида Прокопчука, объявившего сухую голодовку из-за отказа властей дать ему разрешение на выезд из СССР, март 1979 г.

Всесоюзная Церковь Верных и Свободных Адвентистов Седьмого Дня

Сообщение "Обыски и аресты адвентистов продолжаются", 26 апреля 1979 г.

"Госатеистический суд над служителями и членами Всесоюзной Церкви Верных и Свободных Адвентистов Седьмого Дня" – описание суда

над В. Шелковым, А. Спалинем, И. Лепшиным, С. Фурлет и С. Масловым, 15 марта 1979 г.
 Открытое письмо № 6. "За что судят верующих в СССР – за уголовные преступления или за веру?", март 1979 г.

Повременные издания

"Хроника текущих событий", выпуск 51, 1 декабря 1978 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аболаев Э.	58	Вишневская Ю.	35-40	Егидес П.	19
Абрамкин В.	19-20, 62	Владимов Г.	59	Ермолаев С.	60
Азизов С.	61	Волохонский Л.	27	Жискар д'Эстен	61
Айрикян П.	16,17	Галансков Ю.	5,46-47	Жолковская (Гинзбург) И.	58,60
Алексеева Л.	29-34	Гаруцкас, о.К.	50-51	Зайцевы Лариса и Людмила	37
Альтман А.	6,16	Гаяускас Б.	44,58	Закс Ю.Б.	55
Андропов Ю.	13,39,58	Гаяускене И.	58	Залмансон В.	6
Андрюшка	51	Гендин Л.	58	Залмансон С.	5
Анисимова С.В.	58	Гинзбург А.	5,31-33, 41-49	Зисельс Иосиф	9,58,62
Антонюк Э.	62,63	Глузман С.	7,58	Зисельс Ирена	9,58
Арутюнян Ш.	33	Глук П.К.	14	Игнатович Н.	36
Балакирев В.	38	Гольдштейн Г.	33	Каллистратова С.В.	18, 28,60
Бегун И.	7	Гольфанд Ю.	7	Калитыньш	43
Бердник О.	14,59	Гончар О.	59	Караванский С.	46,58
Болонкин А.	38	Горбаль М.	60	Картер Дж.	10,30,33, 58
Боннэр Е.	7,18,28,60	Горбатов В.А.	38	Квецко Д.	16
Борисов Вл.	38	Гришко А.	52,53	Ким И.	35-36
Браилловский В.	7	Давыдов Г.	38	Клансье Ж.Э.	59
Брежнев Л.И.	6,10,29, 30,50,58-61,63	Даниэль Ю.	5,43,44	Клебанов В.	27,28
Бурцев	19	Деревенскова Е.	58	Ковалев С.	7,8,39
Бурцев В.	60	Джексон Г.	10	Кончаковский Н.	60
Бутман Г.	6	Джемилев Анафи	22	Кооп Д.И.	37
Бутченко Ю.	16	Джемилев Асан	21-23	Котовенко И.И.	13
Вальдхайм К.	58	Джемилев М.	21-23,62	Кравченко З.	60
Варварцев В.	54	Диденко С.	58		
Венцлова Т.	50-51	Дмитриев Ю.	35-36		
Винс Г.П.	5,6,60	Добрачев Ю.П.	38		
Винс П.	33,62	Добровольский А.	5		
		Дымшиц М.	5,6		

Кузнецов Э.	5,46	Огурцов В.	10-11,59	Синявский А.	5
Кулешов Э.	61	Огурцов И.	10-11,16, 58,59	Сирьк	14
Курбанов	21	Орлов Ю.Ф.	7,8,29-34	Скибин	56-57
Куроедов	60,63	Осадчий М.	59	Слепак В.	7
Ланда М.	18,28,58, 60,63	Осипова Т.	28	Слобоженюк Н.М.	14
Лашкова В.	5	Панкратов О.О.	55	Смирнов	60
Левен И.И.	37	Пашнин Е.	59	Солдатов С.	60
Ленин В.	27	Пензин А.	59	Солженицын А.	5,10, 35,38
Лепшин И.С.	61,64	Петквявичюс	63	Соловьев О.	62
Лерт Р.	19	Петров	22	Спалинь А.	61,64
Лисовой В.	16	Петров В.	38	Стокотельный П.	59, 60
Литвинов П.	41-49	Петров-Агатов А.	31	Стрелец Ю.П.	13
Лукьяненко Л.	7,33,62	Пидгородецкий В.	59	Строкатова Н.А.	58
Ляпин А.	31	Пимен, патриарх	59	Суровцева Н.В.	59
Малинкович В.	58-60	Пирогов	61	Талгалис	16
Мальков М.Г.	60	Плеханов А.С.	60	Тамквявичюс С.-Ю.	63
Маресин В.	38-39	Плехов В.	52	Тарасенков В.	41,48
Маринович М.	7	Плумпа П.	16	Тихий А.	7,31,32,48-49
Марченко В.	58-59	Поляков В.	60	Туркин	14
Маслов С.	64	Попков В.	60	Федоров Ю.П.	6,7,47
Матулайтис-Лабукас		Поплавский В.	27	Фефелов В.	63
Ю.	50	Попов Н.	61	Финкельштейн Э.	7
Матусевич Н.	7,16	Попова Н.	61	Франко	35
Матусевич-Гейко О.	60	Пореш В.	60	Фурлет С.	64
Ма-Хун	62	Прокопчук	63	Хаирова В.	23
Медведев Р.	59	Пэнсон Б.	6	Хейфец М.	60
Мейман Н.	7,28	Пяткус В.	7,50	Хнох А.-Л.	6
Мельник М.	59,60	Равиньш М.	16	Ходорович С.	60
Менделевич И.	6,7	Редин А.	59,61,63	Цурков А.	62
Мешко О.	59	Редина А.	60	Чалидзе В.	8,39
Миллер А.	62	Резникова Е.А.	8,46	Чернушенко Ф.	52
Мильтром-Щаранская		Рейнис	51	Черняев Р.	5
И.П.	59,62	Розенман А.П.	52-54	Чикина В.Н.	38
Мойнихен Д.П.	10	Розенцвейг Ю.	60	Шальман Е.	8,22
Монбланов В.В.	62	Рубан П.	61	Швейцер А.	38
Мороз В.	5,6	Руденко Н.	7,12-15, 31,32,60	Шелков В.	7,22,58, 60,61,64
Мурженко А.	6,7,58	Руденко Раиса	12-15, 59,60	Шрейдер Т.Ф.	56-57
Муха	14	Руденко Роман	59-62	Щаранский А.	7,31-34
Назарян Р.	33	Рустамов А.	60	Щелоков Н.А.	59,62
Найденович А.	60	Рцхиладзе В.	33	Щербицкий	59
Некипелов В.	28,59	Сахаров А.	7,22,60,63	Энгер Р.	5
Никитов А.	59,61,63	Сваринскас А.	51		
Никитова З.	60	Свистелин Г.	36-37		
Николаев Е.	59	Сеитвелиева Д.	23		
Нудель И.	7	Селюк А.В.	14		
Огородников А.	60				

₹ 5.00